

INKERI

Inkerin Siiton julkaisu

Päätoimittaja: Aleksanteri Kirjanen

Lehti oli perustettu v. 1884.
Uuoistettu v. 1998.

Газета была основана
в 1884 году.
Выпуск возобновлен
в 1998 году.

Пuh. +7 812 234 86 54
Телефон редакции:
8 (812) 234-86-54

N:ro 2 (084) heinäkuu 2015

Konttori: С.-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 4а, корп. 22, оф. 303

2015

Suuri Voitto ja inkerinsuomalaiset

70 vuotta sitten päättyi sota. Nyt se on mennyttä elämää. Saimme unohtaa sotaa kuin epämiellyttävää muistoa, kuin mennyttä painajaista, mutta palaamme taas ajatuksissa sota-aikoihin, Suuren Voiton päiviin ja muistamme kohtalokkaita muutoksia inkerinsuomalaisten elämässä.

Meillä on tapana kertoa Suuresta Voitosta. Mielipiteitä, ajatuksia, manauksia ja väitteitä sekä sodasta, että voitosta kuuluu kaikkialta – niin TV:stä ja radiosta kuin tavalisten ihmisten puheistakin. Tuntuu siltä, että sodan aihe elää kansamme kollektiivisessa tietoisuudessa. Ja nykyään, kesällä 2015, mekin liitymme keskusteluihin tästä sodasta ja Suuresta Voitosta.

SUURI VOITTO JA ISO HÄVIÖ

Venäjällä käyvä matkailija kiinnittää huomiota siihen, että maamme – paitsi ehkä Moskova – on aika kehnossa kunnossa. Rappion merkit näkyvät kaikkialla: likaa ja roskaa, koloja siellä täällä, kuoppaisia teitä, autioita rakennuksia ja raunioita niin maaseudulla kuin kaupungeissakin. Tuntuu siltä, että koko maamme on huonossa kunnossa. Maaseutu on autioitunut ja sen väestö on hävinnyt. Näin on Inkerissä ja Karjalassa, Pohjois- ja Keski-Venäjällä ja muuallakin. Ehkä tämä häviö johtuu osittain sodasta ja osittain huonosta hallitustavasta. Voimme vain olettaa kumpi oli pahempaa ja pohtia syitä. Epäilemättä kuitenkin on se, että Venäjän maaseudun väestön häviämisen syynä on mm. sodan seuraukset. Toiset kaatuivat sodassa, toiset palasivat kotiin, mutta kohta lähtivät muualle. Vanhat sukupolvet kuolivat kotiseuduillaan, mutta heidän jälkeläisinsä eivät asu enää siellä. Voidaan sanoa, että Venäjä kaatui sodassa eikä enää noussut. Jokainen, joka epäilee siitä, voi käydä Arkangelin, Novgorogin, Pihkovan, Smolenskin, Tverin ja ynnä muiden alueiden keskustoissa

katsomassa seutua, ja kaikkialla hän huomaa samaa rappiota. Itse asiassa nykyisten ja vanhojen karttojen vertailua riittää. Niistä näkyy, että asutus on hävinnyt, pellot ovat autioituneet ja metsä on hakattu pois. Suuren Voiton merkkejä ei näy, sen sijaan häviön merkkejä näkyy kaikkialla. Mitä maksavat sitten sanat Suuresta Voitosta?

VOITTO VALTIOLLE, TAPPIO VOITTAJILLE

Voitto. Mitä se tarkoittaa? Vihollinen kukistettiin ja häädettiin pois. Omat maat vapautettiin – ja paitsi sitä saatiin vihollisen maat. Vihollinen ei enää pääse tappamaan kansalaisiamme, vaan meidän oma valtio-voittaja tappaa sekä omaisia että vieraita.

Epäilemättä voitto sodassa oli ennen kaikkea valtion voitto. Oliko se sitten myös kansamme voitto? Todennäköisesti oli.

Suuri Voitto kuuluu kansallemme vaikkapa sen takia, että se oli ansaittu kansan voimalla. Mutta kansallemme ei Suuri Voitto paljoa antanut. Saksalaisten kuolemanleirit jäivät menneisyyteen, mutta GULAG-saariston leirit toimivat jälleen, ja kuten me tiedämme, ne olivat hävitysleirejä. Sodan jälkeen vangitsemiset jatkuivat. Eilistä voittajista tuli pelkureita. He olivat todella oikeudenvastaisia ja lisäksi hyvin köyhiä. Semmoinen on ollut tappion kaltainen voittomme. Moraalinen voitto pitänyt kuitenkin paikkaansa, koska vieraat sortajat voitettiin ja vapautettiin saksalaisista muitakin kansoja.

JOKA KANSALLA ON OMA TOTUUS

Kansamme käsityksen mukaan viholliset yrittivät kajota maahamme. Ja valtiomme kääntyi kansamme puoleen pyytäen apua. Kansamme pelasti valtiota – toista vaihtoehtoa ei ollut: muuten molemmat olisi kaatunut – sekä valtio että kansa.

Tästä kohdasta alkavat vaikeat kysymykset, joita ei ole tapana käsitellä maassamme. Neuvostoliiton sosialistinen kansa ei ollut yhtenäinen. Venäjällä asui useita kansallisuuksia, joista jokaisella oli, paitsi oma kieli myös oma maailmankuva, mielipide, omat tulevaisuuden toiveet. Venäjän keisarikunta muutui Neuvostoliitoksi, mutta venäläiset jälleen olivat valtakansa, ja toiset kansallisuudet saivat nimen *nazmeni* (kansallis-vähemmistöjä). Tätä ei puhuttu suoraan – virallisesti väitettiin aivan päinvastoin – mutta todellisuudessa ei-venäläiset olivat venäläisten mielestä epäluotettavia, heidän olemassaolo oli ehkä vaarallista valtiolle. Tästä syystä sosialistinen Neuvostoliitto suunnitelmallisesti siirsi kansallis-vähemmistöjä pois kotipaikoiltaan – kauemmaksi rajoilta, kaupungeista ja siviili-elämästä.

Neuvostoliitto ei ollut samanlainen kuin Hitlerin Saksa, jossa avoimesti julistettiin eri kansallisuuksien erilaista arvoa, muuten monien kansallis-vähemmistöjen tilanne Hitlerin Saksassa ja Neuvostoliitossa oli melkein samanlaista. Jo 1930-luvulla Neuvostoliitossa

siirrettiin korealaisia ja rajaseutujen inkerinsuomalaisia. Sodan aikana siirrettiin jo useita kansoja ja sodan jälkeen Neuvostoliiton kansallisuudet olivat tavallaan jaettu hyväksi ja pahoiksi kansoiksi, samalla virallisesti julistettiin, että kaikki kansallisuudet ovat tasa-arvoisia.

Kun puhutaan Suuresta Voitosta, kohta huomaa, että se on etupäässä vain venäläisten käsitys ja venäläisten voitto. Vaikka sotaan osallistui muutakin kansallisuuksia, selvästi näyttää, että pääasiassa se oli venäläisten sota saksalaisia vastaan. Venäläiset puolustivat omaa valtiota, heitä kaatui enemmän ja lopuksi he voittivat. Venäläisiä ei vainottu kansallisuuden perusteella, vaan he itse olivat usein sovinnisin kantajia.

Silloin kun Suuri Voitto kuului etupäässä venäläisille (ottaen lukuun ukrainalaisia ja valkovenäläisiä), monille muille Neuvostoliiton kansallisuuksille se tarkoitti raskasta tappiota. Mainitaan tässä Venäjän saksalaisia, inkerinsuomalaisia, juutalaisia, Baltian maiden kansoja, useita Krimin ja Kaukasuksen kansallisuuksia.

Jatkuu sivulla 2

Näille kansallisuuksille Suuri Voitto tarkoitti vain uusia vainoja, rajoituksia asuinpaikan valinnassa, ihmisten halventamisia ja aikaista kuolemaa vieralla maalla. Voidaan olettaa että ei-venäläisten suhtautuminen Suureen Voittoon sai alkunsa juuri tästä Venäjän kansojen jaosta ”hyviin” ja ”pahiin” kansoihin. Monet inkerinsuomalaiset muistavat, että ensimmäinen Voitonpäivä – 9.5.1945 – oli yhteinen juhla, mutta jo seuraavana vuonna – ja myöhemminkin – Voitonpäivästä tuli monille Neuvostoliiton kansallisuuksille vieraan kansan voiton päivä.

OLIVATKO INKERINSUOMALAISET MAANPETTUREITA?

Inkerinsuomalaiset olivat Venäjän ja myöhemmin Neuvostoliiton kansalaisia. Jo ennen sotaa Inkerissä oli sukupolvi, joka oli syntynyt ja kasvanut Neuvostoliitossa. Heistä voidaan sanoa, että suurin osin he olivat tavallisia neuvostoliittolaisia. Semmoisia inkerinsuomalaisia on keskuudessamme jälleen kokonainen joukko.

Taistelut vapaasta Inkeristä päättyivät v.1920, ja lyhyeksi ajaksi inkerinsuomalaisten elämä asettui rauhalliseen uomaan. 1930-luvulla kaikki muuttui pahan puoleen, mutta ei vastuksista ollut puhuttakaan. Ihmiset pyrkivät vaan pelastamaan itseään. Silloin valtiomme tappoi kansalaisiamme suuressa määrässä ja lähetti toiset pakkotöihin, niin venäläisiä kuin ei-venäläisiäkin. Pakollinen kollektivisointi ja kulagiksi tekeminen olivat raskas isku kansamme sydämeen. Sen tarkoituksena oli vanhan elämäntavan hävittäminen ja varsinainen terrori. Tällä tavoin silloiset maamme hallitsijat rakensivat valtiotamme. Se oli uuden tyypin valtio, jossa ihmiset eivät olleet muuta kuin karjalauma: heidän toivomuksia eivät kiinnostaneet ketään.

Talvisodan kuluessa inkerinsuomalaiset eivät osoittaneet itseään mitenkään. Mutta siltikin silloisen johtajamme viha suomalaisia kohtaan ilmeisesti oli kova. Voidaan olettaa, että juuri talvisodan ajasta lähtien inkerinsuomalaiset joutuivat maassamme *viholliskansojen* lukuun.

Vuonna 1941 kaikki inkerinsuomalaiset päätettiin siirtää itään päin. Rintama lähestyi kuitenkin niin nopeasti, että evakuoitiin vain markkovoisia, ja niitäkin vain osaa, sekä pientä osaa Pohjois-Inkerin suoma-

laisia. Suurin osa inkerinsuomalaisia silloin jäi Inkeriin – toiset Pietarin piiritykseen, toiset saksalaisten miehityksen alle. Olivatko piiritykseen jääneet suomalaiset toimineet jollakin tavalla valtiotamme vastaan? Todennäköisesti eivät olleet – muuten siitä olisi tietoja. Avustivatko saksalaisten miehityksen alle joutuneet suomalaiset saksalaisia, esim. toimivatko he venäläistä väestöä vastaan, partisaaneja vastaan tai Puna-Armeijaa vastaan? Siitäkään ei ole tietoa. Ei tunnettu sotarikoksia, joihin inkerinsuomalaiset olisivat osallistuneet. Inkerinsuomalaisten mahdollisesta yhteistyöstä saksalaisten hyväksi ei löydetty mitään tietoja. Näin syytökset maanpetoksesta inkerinsuomalaisia kohtaan näyttävät olevan perättömiltä.

Todellisuudessa saksalaiset sortivat inkerinsuomalaisia toisien rinnalla. He tosin mobilisoivat poikia, usein kutsuntaikäisiä, vartioimaan teitä. Muuten nämä pojat eivät osallistuneet sotatoimiin, vaikkapa partisaaneja vastaan.

Inkerinsuomalaisia syytetään siitäkin, että noin 2000 inkerinsuomalaisia taisteli Suomen armeijan riveissä, siis Neuvostoliittoa vastaan. Keitä sitten he olivat? Jotkut heistä olivat entisiä Puna-Armeijan sotavankeja, toiset liittyivät Suomen armeijaan v.1943, kun he olivat siirretty Suomeen. Ei tässä puhuta motiiveista, jotka veivät heidät Suomen armeijaan. Voidaan väittää kuitenkin että useat heistä tuli Suomen armeijaan vapaaehtoisesti, ja että he taistelivat ei Saksan, vaan Suomen puolella. Näitä poikia voidaan syyttää maanpetoksesta – vaikka heillä varmaan oli omia käsityksiä siitä, mikä on petos ja kuka on petturi.

Lähes kaksi tuhatta henkeä, onko se paljon? Se oli noin 1,5% inkerinsuomalaisten luvusta. Luultavasti venäläisiä ym. kansallisuuksien edustajia, jotka liittyivät vihollisiin, oli enemmän. Samalla inkerinsuomalaisia, jotka taistelivat Puna-Armeijan riveissä, oli varmasti enemmän. Antaako perusteita syyttää kaikki inkerinsuomalaiset maanpetoksesta muutamien ihmisten joukko, joka taisteli Suomen armeijassa? Suoraan sanoen, ei anna. Se oli todennäköistä myös valtiomme hallitsijoille, siksi ei inkerinsuomalaisten maanpetoksesta avoimesti puhuttu. Siitä huolimatta myytti inkerinsuomalaisten maanpetoksesta on juurtunut venäläisten yhteiskunnalliseen tajuntaan.

PETTURIVALTIO

Kansallisvähemmistöjen ongelmat ovat ikivanhoja. Ristiriidat kanta-asukkaiden ja tulokkaiden välillä olivat aina jännityksen syynä. Toisinaan siellä täällä syntyvät etnillisten puhdistuksien suunnitelmat. Hitlerin Saksassa ja Neuvostoliitossa toteutettiin etnilliset pakkosiirrot – nämä koskivat mm. inkerinsuomalaisia. Jo ennen sotaa Neuvostoliitossa tuli tapaamaan kansanmurha (tekonäkö, kulagiksi tekeminen, hävitysleirit ym.). Sitten alkoi sota, joka tavallaan antoi perusteita sitä varten. Sodan aikana etnillisiä puhdistuksia vain laillistettiin.

Kun sota alkoi, Neuvostoliiton saksalaiset ja suomalaiset joutuivat automaattisesti epäluotettavien kansojen lukuun. Itse asiassa se oli tavallinen sota-ajan asia, jota olisi voitu ratkaista inhimillisesti. Tilapäinen pakkosiirto etnillisellä tunnuksetella voisi ehkä puolustaa, jos se olisi tehty toisin kuin se oli tehty (kuolemanjunat). Voidaan puolustaa myös suomalaisten siirtäminen työarmeijaan – jos se ei olisi vankileiri. Kyse on kuitenkin siinä että valtiomme piti omia kansalaisiaan vihollisina. Sitten heitä syytettiin, niin kuin he olisivat pettureita (leima passiin, joka tarkoitti että asuinpaikka on määritetty tai sen valinta on rajoitettu). Koska suomalaisia tehtiin vangeiksi juuri suotta (heillä ei ollut mitään syytä), he ymmärsivät että tässä maassa laki ei toimi – tai että se toimii ainakin heitä vastaan. He tunsivat valtiomme olevan vihollisena heitä kohtaan.

Tässä on vastaus kysymykseen, kuka petti ja ketä. Näyttää siltä että pakkosiirrot ja syyttömät vangitsemiset tekivät inkerinsuomalaisia valtiomme uhreiksi. He eivät olleet pettureita, vaan oma valtio petti heitä. Näin petturivaltio menetti luottamusta omien kansalaisten silmissä. Kun vasta avautui mahdollisuus, he riensivät maasta pois.

SUURI VOITTO JA YHTEINEN HÄTÄ

Sodan aikana osa inkerinsuomalaisista katosi, loput eivät välttyneet pakkosiirrosta. Vainot ja kärsimykset jatkuivat sodan jälkeen. Kansa hajosi, sen yhteisö hävisi. Kansalaiset menettivät kotimaansa, omaisuuttaan, vapaan siirtymisen oikeutta (v. 1953 saakka). Sivistysmahdollisuudet rajoitettiin. Se, että inkerinsuomalaisten jälkeläiset kuuluivat enemmistössään toisiin kansoihin (venäläisiin, eestiläisiin jne.) oli totaalinen kansamme katastrofi.

Samaa voidaan sanoa Venäjän saksalaisista (1427,3 tuhat hloä v.1939). Sen lisäksi Venäjän saksalaiset ja suomalaiset leimattiin usein fasistien nimeillä. Ilmeisesti se oli heistä inhottavaa. Tämän jälkeen heillä ei jäänyt mitään voiton tunnetta, vaan pelkkä hävitys.

Tässä yhteydessä täytyy muistaa Neuvostoliiton juutalaisia (noin 3 miljoonaa hloä v.1939 ja 2268 tuhat hloä v.1959). Saksalaisten toimesta katosi noin 600 tuhatta Neuvostoliiton juutalaista, heidän entinen yhtenäisyys, ns. Idischland, katosi kokonaan. Sodan jälkeen antisemitismi sai Neuvostoliitossa hyvän mullan, jonka valtiomme oli ylläpitänyt. Juuri sodan jälkeen useat juutalaiset tulivat ajatuksen, että Venäjällä he ovat vieraita. He alkoivat muuttaa maasta pois heti kun siihen avautui mahdollisuus.

Seuraavina – puolalaiset, Krimin tataarit, bulgaarit ja kreikkalaiset, Meskhetin turkkilaiset – kaikki Neuvostoliiton toimesta maattomiksi tulleet kansat. Suuri Voitto toi heille vain laitonta kohtelua ja ihmisten halventamista.

Lopuksi valtakansat – venäläiset, valkovenäläiset ja ukrainalaiset. Heidän menetykset sodassa olivat vissiin kaikkien isommat. Heidän tapettiin sekä saksalaisten että omien toimesta, rintamalla ja vankileireissä, heitä kidutettiin nälällä, heitä siirrettiin pakolla paikalta toiseen, heidänkin maat joutuivat upotetuksi, teollisuusalueiksi, kaatopaikoiksi, ampumakentiksi. Maa oli palanut heidänkin jalkien alla. Häätä oli, mutta voittoa... Voivat he kyllä pohtia voitostaan.

PUHEET JA TOTUUS

Judenfrei, deutschenfrei, finnenfrei... Etnilliset puhdistukset tapahtuivat, historiaa ei saada kaantya takaisin. Kansamme pohtii jälleen sodasta ja Suuresta Voitosta. Mutta miksi valtiomme ei tahdo tunnustaa totuutta? Mitä se ylistää Suurta Voittoa niin karkeasti, että se ärsyttää kuuntelijoita? Pitääkö puhua siitä niin juhlallisesti ja niin kovalla äänellä, että se aiheuttaa sisäistä protestia? Nämä juhlalliset puheet eivät yhdistä ihmisiä, ne vaan erottavat maamme kansallisuuksia toisistaan, ja herättävät monissa halun muuttaa maasta pois. Maihin, joissa ei paljon puhuta Suuresta Voitosta, mutta kunnioitetaan kansalaisiaan.

RADISTINA KOKO SOTA-AJAN

Muistelee Eetu Hynninen Venjoen Humalasaaresta

Eetu Hynninen (s. 1921) tapasi Suuren Isänmaallisen sodan Karjalassa 7. armeijan 71. jalkaväkidivisioonassa. Viestipataljoona, jossa hän palveli, oli siihen aikaan Petkoskoissa. Hynninen oli kersanttina ja joukkueen komentajana.

22. kesäkuuta v. 1941 oli aurinkoinen, lämmin päivä. Tuli rivimies Smirnov ja sanoi, että ilmoitettiin hälytys. Radiossa kuului Molotovin puhe. Kersantti Hynninen määrätti heti pääradioaseman päälliköksi. Hän piti yhteyttä divisioonanrykmenttien välillä.

Suomalaiset voimat olivat silloin suuremmat kuin neuvostojoukot Karjalassa. Karjalan rintamalla peruuttaminen järjestettiin kunnolla, eikä kertaakaan peruutettu ilman käskyä. Sodan alussa oli tällainen tapahtuma. NKVD tuli tarkistamaan radisteja. Kaikki radistit kutsuttiin kertomaan elämäkertansa. Eetu Hynninen tunnusti, että isänsä vangittiin v. 1937. Kun lautakunta poistui, hänet kutsuttiin esikuntaan ”täydessä taisteluvarusteissa” ja kaikkein omaisuuksineen. Hän tuli ja kuunteli esikunnan päällikön kapteeni Bogdanovin järeää ääntä. Puhe oli Hynnisestä:

– Mihin häntä? Jalkaväkeenkö?

”Täydessä taisteluvarusteissa” merkitsi, että siirettään osastosta... parhaassa tapauksessa. Kun Eetu Hynninen tuli yhteyspäällikkö Ovtsharovin luokse, se sanoi:

– Ensiksi et ole syyllinen missään. Emme luovuta sinua. Siirry yhdeksi kuukaudeksi puhelinкомпанияan. Kuukauden kuluttua kaikki raukenee.

Eetu Hynninen oli kuukauden siellä. Hän veti johtoja. Kuukauden kuluttua muodostettiin erillinen vahvistettu pataljoona, ja hänet lähetettiin tähän pataljoonaan radioaseman radistiksi pitämään yhteyttä divisioonaan. Komentaja otti suuren vastuun, koska hän ei suorittanut NKVD:n käskyä. Hynnillä ei ollut yhteyden poissaoloa kertakaan. Radioaseman kuuluvuus oli tarkoitettu 10 km:ksi, kauemmaksi ei tarvittu. Eetu Hynnillä oli mainio korvakuulo, hän pyydysti jopa vähäisiä meluja 30 km säteellä.

Karjalassa neuvostojoukot peruuttivat Vienanmeren kanavaan asti. Neuvostojoukot olivat kanavan itäpuolella ja suomalaiset – länsipuolella. Joulukuussa rintama

vakiintui eikä vakavia taisteluja sattunut.

71. jalkaväkidivisioonassa oli monia suomalaisia. Eetu Hynninen tutustui Jorma Kukkoseen, joka johti tiedustelupataljoonaa. Hän kertoi tiedustelurekistään. Hän puhui suomea paremmin kuin venäjää, koska tuli 14-vuotiaana perheineen Suomesta Petroskoihin. Hän otti 30 hengen ryhmän ja tuli johonkin hiljaiseen paikkaan. He lähtivät pienin ryhmin. Heidän päällään oli suomalainen sotilaspuku.

Kukkonen kertoi, kuinka hän otti vangiksi suomalaisen upseerin. Kaikki sattui syvässä selustassa 100 km. Hän seisoi maatiellä suomalainen sotilaspuku päällään. Suomalainen upseeri polkupäiräli. Kun hän lähestyi, Kukkonen katsoi ympärilleen, ei ollut ketään.

– Herra upseeri, pahoittelen, mutta olette vankini.

Pensaista ilmestyi kaksi Kukkonen sotilasta ja kaappasi tämän upseerin.

Toisen kerran ryhmällä ei ollut tehtävänä ottaa vankeja. He tiedustelivat vihollisen sijaintia. Sairaalabussi ajoi vastaan, ja he ottivat kaikki vangiksi.

V. 1941 joulukuussa vihollisen hyökkäysvaunut hyökkäsivät divisioonan esikuntaan. Viestikeskus ja esikunta hävitettiin. Suomalaiset mursivat rintaman Karhumäen lähellä ja menivät tehokkaasti Povensaa kohti. Pataljoonan komentajan sijainen käski viipymättä lähteä. Hynninen erään toverinsa kanssa kiisi kaksipyöräisillä rattaila ja liittyi yhteiseen kuormastoon. Jokin kuorma-auto käänsi kaksi-

pyöräiset rattaat alassuin ja kaikki hajosi. Toinen hevonen karkasi ja toinen jäi. Pataljoonan komentajan sijainen tuli ja antoi komennon:

– Hävittää radioasema ja poistukaa!

Hynninen piti heittää granaatti, mutta hän ei sitä tehnyt. Toverin kanssa hän asensi pyörät ja pani hevosen valjaisiin. Uskomattomista vaikeuksista ja räjähtävistä ammuksista huolimatta he pelastivat radioaseman. Kun he tulivat divisioonan komentajalle, hän oli ilman yhteyttä. Hän edes ei tiennyt, missä hänen rykmenttinsä ovat. Hynninen otti yhteyden rykmenteihin, ja divisioona jatkoi sotia.

Operatiivisen osaston päällikkö sanoi:

– No, Hynninen, sinä pelastit koko armeijan. Sinulle sopisi vähintään Punainen Taistelu -kunniamerkki.

Mutta Stalinin käskyn mukaisesti epäonnistuneen operaation osallistujat ei palkittu. Palkinnon asemesta Hynninen määrättiin joukkueen komentajaksi, hän sai upseerin arvonimen.

Hynninen kotikylä Humalasaari joutui miehitylle alueelle. Äitinsä muutti Leningradiin. Kaupunki piiritettiin mutta kirjeet tulivat perille. V. 1942 Eetu Hynninen sai tietää siskoltaan äitinsä kuolemasta. Äiti antoi siskolleen leipänsä ja kuoli. Sisko evakuoitiin.

Veljensä karkasi Viroon, sieltä hän joutui Suomeen. Kun neuvostopuoli vaati luovuttamaan kaikki neuvostokansalaiset, hänen luokseen tuli suomalainen poliisimies.

– Tulin lähettämään sinut pakolla Venäjälle. Mutta sanon, etten ole löytänyt sinua. Karkaa Ruotsiin, sieltä ei ketään muuteta pakolla.

Hän teki niin. Ruotsissa hän tapasi tytön kotikylästään. He menivät naimisiin. Hynnillä ei ollut mitään yhteyttä veljeen. Veli ymmärsi kai, että se olisi oikein vaarallista Eetulle. V. 1976 hän sortui autokolarissa. Vain 1990-luvulla seurakunnan kautta Hynninen löysi veljensä pojan ja näin oli saanut tietää hänen kohtalostansa.

V. 1942 huhtikuussa ilmestyi käsky, jonka mukaan suomalaiset joutuivat poistettavaksi Puna-Armeijasta ja lähetettäväksi työarmeijaan. Mutta Hynnisen divisioonasta ei poistettu ketään. Se oli noin puoleksi suomalaisista ja karjalaisista.

Jos kaikki suomalaiset olisi poistettu divisioonaa, se ei olisi voinut sotia. Eräät upseeri lähetettiin Siperiaan kouluttamaan sotilaita.

V. 1942 syksyllä 71. divisioona kuljetettiin Volhovski rintamalle, missä se osallistui Iskra (Kipinä) -operaatioon. Tämän operaation tuloksia ei ole arvioitu yksimerkityksellisesti. Tuloksena oli suuren tehtävän ratkaisu. Saarossa läpäistiin 8-kilometrinen reikä. Leningradiin alettiin toimittaa elintarvikkeita. Mutta sotilasnäkökulmasta tehtävä ei ollut suoritettu. Ennen taistelua pulitrukki ilmoitti tehtävän. Piti pii-rittää Mgan saksalaisten joukkojen ryhmä, hävittää se ja näin järjestää yhteyttä Leningradiin. Tämä tehtävä ei ollut suoritettu huonon johdon ja sekasorron takia. Pyöreässä lehdossa oli vahvimpia betoonilnnoituksia. Lentopommi osui harhaan, tykistön käyttö oli mahdotonta.

12. tammikuuta v. 1943 alkoi oikein voimakas tykistökeskitys. Myöhemmin kerrottiin, että oli koko Suuren Isänmaallisen Sodan vahvin tykistökeskitys. Klo 8:30 Eetu poistui korsustaan. Oli hiljaista. Hän katsoi Laatokan järven suuntaan: sieltä juoksi kaksi palavaa nauhaa. Sitten hän kuuli jyrrinää ja ymmärsi, että tykistön rivit ampuivat yhtäaikaa Leningradin ja Volhovin rintamin puolilta. Alkoi jyrristä oikein kovin. Piti sulkea korvat, oli mahdotonta keskustella. Linnoituksissa olleet saksalaiset hölmistyivät ja juoksisivat pois. Edessä etenevä divisioona meni näiden tyhjiin linnoitusten kautta ja raportoi, että se valloitti Pyöreän lehdon. Heidän piti linnoitautua aseisiin ensin.

Näin 71. divisioona meni nopeasti Pyöreän lehdon kautta. Saksalaiset palasivat ja alkoivat ampua. Meillä oli isoja menetyksiä. Koko operaation aikana 71. divisioona oli Pyöreässä lehdossa, mutta ei voinut valloittaa sitä. Puhelinmiehet kuuntelivat salaa divisioonan komentajan ja toisen divisioonan komentajan keskustelua. He puhuivat:

– Meidät molemmat petettiin. Se, joka raportoi, että hän valloitti Pyöreän lehdon.

Hän oli velvollinen raportoimaan, että he menivät Pyöreän lehdon läpi, mutta hän raportoi, että he valloittivat sen. Silloin divisioonan komentaja olisi käskennyt hänet linnoittautumaan aseisiin.

MUISTELMIA

Ennen Iskra-operaatiota divisioonan komentajaksi määrättiin eversti Zamirovski. Monien kertomien mukaan hän oli kokematon toimistokenraali. Hän hermostui paljon. Esim. hän sai käskyn valloittaa Pyöreä lehto. Mutta millä tavalla suorittaa käsky? Tykit eivät sopineet. Hänen piti tulla esikuntaan ja selvittää, miksi hän ei saa sitä valloittaa. Tämän asemesta hän lähetti sotilaita granaatteja kädessä,

että he metelisivät tämän linnoituksen eteen ja heittäisivät granaatteja. Saksalaiset laukaisivat valaistusraketteja, jotka valaisivat koko seudun. Näin he näkivät meidän sotilaitamme ja ampuivat heitä. Toveri Mihail Popov lähetettiin tähän tehtävään. Hän onnistui: haavoittui jalkaan. Se oikeutti hänet palaamaan.

Hynnillä oli pommituslentokoneen radioasema. Se oli tehtaalla asennettava auto. Sisässä oli jopa

uuni. Tämän radioaseman kautta olin armeijan esikunnan kanssa. Radioasemalla oli päälikkö ja 3 radistia. He päivystivät vuorotellen. Radistin päätehtävänä oli kuunnella signaalia melujen läpi. Se vaatii musikaalista korvakuuloa.

Hynnisen johdossa oli oikein hyvä radisti Balakirjev Ivan Ivanovitsh. Eetu Hynninen oli viestipäivystäjänä ja hänen piti käydä kaikissa viestikeskuksissa tarkistamassa kuten työ sujuu. Balakirjev päivysti yli 12 tuntia ja häntä ei voinut vaihtaa. Hynninen tuli ja katsoi: radisti nukkuu. Hynninen paukauti ovea, mutta radisti ei kuullut. Hynninen istui lähelle, kuulokkeensa ovat auki. Hän kuuli, että Balakirjevia kutsuttiin. Radisti Balakirjev ei kuullut Hynnisen sanoja, mutta hän kuuli Morsen aakkosia. Hän kirjoitti tiedon ja nukkui jälleen.

Kun sattui piirityksen murto ja kahden rintaman kohtaaminen 18.01.1943, kaikki iloitsivat.

Keväällä 71. jalkadivisioona lähetettiin Voronezski rintamalle. Se osallistui taisteluun Kurskin

kaarella. Sitten se vapautti Ukrainan, Puolan, kävi Pohjos-Saksassa. Voiton päivän Eetu Hynninen tapasi Pohjois-Saksassa, Kröpelinin kaupungin syrjäkadulla. Kun ilmoitettiin, että sota loppui, Hynninen kahden toverin kanssa joi pikarin maitoa Voitosta.

Suuren Isänmaallisen Sodan aikana hänet palkittiin monilla kunniamerkeillä, m.m. Punaisen Tähtien kunniamerkillä, II luokan Isänmaallisen Sodan kunniamerkeillä, metaleilla Leningradin puolustamisesta, Varsovan vapauttamisesta jne.

Sodan loppumisen jälkeen Eetu Hynninen palveli Saksassa vielä puolen vuoden ja kotiutui armeijasta v. 1946. Hän palasi Leningradin yliopiston fyysikaaliseen tiedekuntaan, ja sitten puolusti kandidaatin väistöskirjan v. 1954. Hän työskenteli dosenttina ja vanhempana tutkijana vuoteen 1998 ja julkaisi yli 40 tiedetyötä.

Kirj. **Janina Emilia Iljainen**

Kuva: **Aimo Ruusunen**

TAPAHTUI INKERISSÄ

KRONIKKAA

Oman kielen päivä Hatsinassa

Kansainvälinen Oman kielen päivä merkitään 21.02. Tänä vuonna se vietettiin ensi kerran maassamme. Juhlallinen tilaus pidettiin 19.02.2015 Hatsinan opettajaopistossa. Tilauksen emäntänä oli opiston johtaja **Marina Junusovna Vorontsova**. Viranomaisten puolelta tilauksessa oli **Mihail Jevgenjevits Lebedinski**, Leningradin alueen hallituksen jäsen. Puheiden kanta-kohteena oli: päähuomio venäjän kielen opetukselle.

Eri kansallisseurojen edustajat esittivät lauluja omilla kielillään. Suomalaisia lauluja esittivät **Anatoli Dridzo** ja **Irina Melehova** (Kotikontu).

Inkerin Liiton vuosikokous

Inkerin Liiton 27:s vuosikokous vietettiin 21.03.2015 Pietarissa, Kansallisuuskien talossa. Kokouksen avajaisissa oli läsnä 43 edustajaa IL:n osastoista. Oli edustajia muualtakin, **Hilja Korosteleva** Pihkovasta ja **Roman Tikka** Moskovasta. Kokousta piti Inkerin Liiton varapuheenjohtaja **Viljo Ostonen**. Kertomuksia toiminnastaan esittivät IL:n puheenjohtaja **Aleksanteri Kirjanen** ja Inkeri-Seuran johtaja **Vladimir Jakovlev**.

Jelena Tikka on toiminut Pietarin osaston (PIL) johtajana 1:n vuoden. Hänen sanojen mukaan, kaikki menee suunnitelman mukaan. **Tatjana Bykova** ilmoitti että Tyrön osasto laihuu: siinä on enää 6 jäsentä, vietettiin 2 ekskursiota, 1 seminaari ja 1 subbotnik (talkoot). **Niina Ärttö** kertoi osanotostaan 1:ssä etnokulttuurin festivaalissa Tusinassa: tehtiin elokuva. **Vladimir Kokko** esitti suomen kielen opetuksen tilasta. Kokon mukaan, suomen kieltä opetetaan Pietarissa sopivalla tasolla, siis aloittaen 9-vuotiailta, kahdessa koulussa (№ 23, Nevskoi piirissä ja № 200, Krasnoselskin piirissä). Kokko arveli, että näidenkin koulujen päästökkäiden suomen kielen taito jää maassamme todennäköisesti ilman käyttöä. Keskustelut suomen kielen statuksesta, opetuksen oikeasta linjasta ja sitä koskevista vaatimuksista ym. muuttuivat toraksi, jossa osallistuivat Vladimir Kokko, **Dmitrij Poljakov** ja **Paavo Soittu**.

Inkerinsuomalainen menestyselokuvan tekijänä

Eestin filmi -festivaalissa, joka pidettiin Pietarissa 21-26 toukokuuta 2015, esitettiin mm. **1944**-elokuva, jonka tekijä on

kuuluisa teatteri- ja elokuvaohjaaja **Elmo Nüganen**.

Elokuvan juonen keskiössä on rintaman eri puolille joutuneiden virolaisten traagiset kohtalot. Puna-armeijan virolaisyntyinen kersantti Jüri ja Eestin legioonan sotilas Karl kaatuivatkin niissä verisissä myrskyissä. Molemmat olivat uskoneet, kuten monet muutkin virolaiset, taistelleensa Viron paremman tulevaisuuden puolesta. Todellisuudessa he vain joutuivat puolustamaan vieraita etuja ja aatteita.

Tallinnassa asuva ohjaaja Elmo Nüganen on syntynyt v. 1962 Jõhvisissa. Hänen isovanhempansa olivat inkerinsuomalaisia Nykäsiä. Valitettavasti Elmo Nüganen ei tiedä, mistä kylästä he olivat kotoisin. Toisen maailmansodan aikana hänen isoisänsä taisteli Puna-armeijan riveissä, isoäitinsä taas lastensa kanssa oli samoihin aikoihin evakossa Suomessa. Sodan jälkeen he asettuivat Viroon.

Elmo Nüganen valmistui v. 1988 näyttelijäksi Tallinnan konservatorion teatterilinjalta. Hän on Tallinnan kaupunginteatterin pääohjaajana vuodesta 1992 alkaen. Elmo tuli tunnetuksi käsikirjoittamalla ja ohjaamalla **Nimet marmoritaulussa** -nimisen elokuvan, joka kertoo Viron vapaussodasta.

Inkeri-leiri Pietarissa

Lasten kesätapahtuma Inkeri-leiri pidettiin Pietarin Inkerin Liiton järjestämänä 7-18 kesäkuuta. Leirin tarkoituksena oli m.m. suomen kielen opetus. Asialla olivat mukana **Elviira Kirillova**, **Julius Matta**, **Irina Harpak**, **Jaana Fomicheva** järjestivät lapsille mielenkiintoisen ohjelman. Lapset saivat osallistua urheilujuhliin Puudostissa, jossa sitten kilpailtiin saappaanheitossa, nauhojen iskemisessä, säkkitaisteluissa y.m. suomalaisissa urheilulajeissa. Wladimir Kokon johdolla tytöt ja pojat kävivät kiipeämässä Tuutarinmäelle.

Samana päivänä saatiin tutustua Skuorisin seurakunnan kirkkoon, jonka kirkkoherra **Paavel Krylov** kertoi kanteleperinteestä ja opetti lapsia laulamaan kalevalaisia runoja. **Dmitri Poljakov** puolestaan järjesti lapsille matkan Hatsinan puistoon. Lapset tutustuvat niin puistoon kuin myös palatsiin. He saivat kavuta tornillekin katselemaan Hatsinan seudun kaunista näköalaa. Leirillä lapset myös opiskelivat suomea.

Toimittaneet

A. Krjukov ja **A. Pyykkönen**

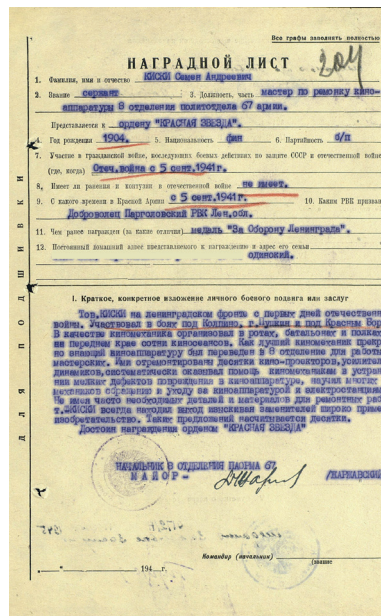
ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД

Битва за Ленинград — одно из самых продолжительных и жестоких сражений. Эта величайшая трагедия в истории человечества коснулась и тысячи ингерманландских финнов. Линия фронта проходила через десятки ингерманландских деревень. В блокаде оказался почти каждый четвертый ингерманландский финн. Но о вкладе ингерманландских финнов в оборону за Ленинграда не сказано почти ничего. Тема «ингерманландцы и блокада Ленинграда» обычно ограничивается темой репрессий во время войны.

Финны-ингерманландцы, служившие в Красной Армии, сражались за Ленинград и на других фронтах Великой Отечественной. Спустя 70 лет после Победы осталось немного живых ветеранов и свидетелей войны. Современные технологии открывают нам новые возможности для изучения истории. Сайт *Подвиг народа* <http://podvignaroda.mil.ru> содержит информацию о финнах, служивших и сражавшихся в Красной армии. Отсканированные документы времен войны опровергают известный стереотип о том, что «финны не воевали, поскольку были отправлены в трудовую армию». Выясняется, что многие финны мужественно сражались за свою родину, за Ленинград. То, о чем не могу рассказать покойные, расскажут архивы.

В 1941 году Красная Армия терпела большие потери убитыми и ранеными. Младший сержант **Талья Иван Андреевич** (р.1916) был ранен 28 августа 1941 года при защите Ленинграда. Из его наградного листа: «В Великой Отечественной войне с 23.VI.41 по 28.VIII.41 г. На Северо-Западном фронте в составе 261 стрелкового полка, будучи наводчиком 82-мм миномета, во время оборонительного боя в районе станции Мга, при ведении огня по наступающему противнику 28.VIII.41 г. получил тяжелое осколочное ранение правой ноги». После ранения он больше не возвращался на фронт по состоянию здоровья. В 1945 году Иван Андреевич был награжден медалью «За победу над Германией», а в 1948 г. за бои на подступах к Ленинграду его представили к награде «За боевые заслуги».

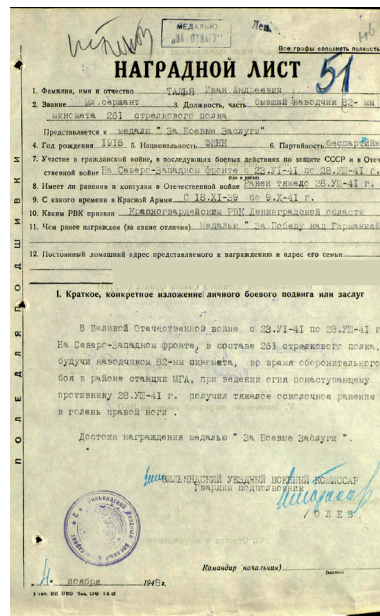
С первых дней блокады предпринимались ожесточенные и кровопролитные попытки её прорыва. 2-я Синявинская операция была одной из неудачных попыток прорвать блокаду. Её участником был красноармеец **Юванен Арви Николаевич** (р.1921). Он воевал на Ленинградском фронте

с июня по ноябрь 1941 в качестве связного командира взвода 68 стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии 55-й армии. Первый раз он был легко ранен 1-го октября 1941 года. Второе ранение произошло 5.11.1941. Ранение в лицо было тяжелым, с переломом дуги правой скуловой кости. Наградной лист содержит подробности боя.

«5 ноября 1941 г. полк вел тяжелые оборонительные бои у с. Ивановка, в районе станции Сапёрная под Ленинградом, контра-такими изматывая противника, стремившегося овладеть городом Ленина. В одной из контра-так т. Юванен был тяжело ранен осколком мины в лицо и потерял сознание. Придя в себя, он сам дошел до полевого госпиталя, откуда был эвакуирован в тыл». После этого ранения Арви Николаевич был демобилизован как нестроевой и работал грузчиком. В 1945 году он был представлен к медали «За отвагу».

Ожесточенные бои шли на Невском Пятачке, который образовался 19.09.1941. Средняя продолжительность жизни солдата на этом плацдарме составляла 52 часа. Военные врачи эвакуировали и спасали раненных в трудных условиях, несмотря на смертельную опасность. Лейтенант медицинской службы **Каулио Матвей Матвеевич** (р.1918) спас многие

жизни защитников Ленинграда во время службы в 3-ем батальоне 6-го отдельного стрелкового полка морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота.

«Товарищ Каулио в боях с немецкими захватчиками с начала Великой Отечественной войны в качестве командира санитарного взвода, где проявлял мужество, отвагу и бесстрашие, выполняя свои служебные обязанности...

С 30.08.41 по 20.09.41 участник боев в районе Слуцк [Павловск], Московская Славянка, где также показал умение, бесстрашие и достойную заботу о раненных бойцах и командирах. С 01.11.1941 по 20.12.1941 участвовал в боях под Н. Дубровкой. Будучи ответственным за эвакуацию раненных, руководимым им взводом было эвакуировано и переправлено через р. Неву под сильным артиллерийским и минометным огнем противника около 200 бойцов».

Лейтенант Каулио награждался орденом «Великой отечественной войны II степени» и два раза орденом «Красной звезды» — в 1944 году за освобождение г. Острова Псковской области и в 1945 г. за бои в Латвии.

Работа в сфере пропаганды и культуры тоже имела немалое значение для победы. Сержант **Киски Семен Андреевич** (р.1904) служил в 8-м политот-

деле 67-й армии Ленинградского фронта мастером по ремонту киноаппаратуры. Он ушел на фронт добровольно 5 сентября 1941 г. Был награжден орденом «Красная звезда».

«Товарищ Киски на Ленинградском фронте с первых дней отечественной войны. Участвовал в боях под Колпино, г. Пушкин и под Красным Бором. В качестве киномеханика организовывал в ротах, батальонах и полках на переднем крае сотни киносеансов. Как лучший киномеханик, прекрасно знающий киноаппаратуру, был переведен в 8 отделение для работы в мастерских. Ими отремонтированы десятки кинопроекторов, усилителей, динамиков, систематически оказывал помощь киномеханикам в устранении мелких дефектов повреждения в киноаппаратуре, научил многих механиков обращению и уходу за киноаппаратурой и электростанциями. Не имея часто необходимых деталей и материалов т. Киски всегда находил выход, изыскивая заменителей широко применяя изобретательство. Таких предложений насчитывается десятки».

Осенью 1942 года 71 стрелковая дивизия была переведена с Карельского фронта на Волховский, в состав 2-й ударной армии. Ей предстояло прорывать фашистскую блокаду. 71 стрелковая дивизия была сформирована на базе т.н. Финской Народной Армии и примерно наполовину состояла из финнов и карел. Во время боев по прорыву блокады многие финны проявили себя с лучшей стороны.

Сержант **Келка Петр Иванович** (р.1921) во время прорыва блокады был командиром отделения 126-го полка.

«В наступательных боях товарищ Келка участвует с 13 января 1943 года, проявил себя храбрым и мужественным воином. Всегда находился впереди всех идущих бойцов, увлекая их вперед. В пе-

Продолжение на стр. 6

Окончание. Начало на стр. 5

риод наступления 13 января 1943 года в районе рощи «Круглая» Келкка первым бросился на противника, находящегося в ДЗОТах и траншеях. Рискуя своей жизнью, Келкка ворвался в траншею и уничтожил 4 фашистов. Тов. Келкка много выполнял боевых поручений от командира полка, быстро и энергично доставлял сведения из батальонов. Несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, он нога в ногу шел вместе с заместителем командира полка по политической части на штурм вражеских укреплений.

Товарищ Келкка достоин правительственной награды ордена «Красного знамени».

Целью операции «Искра» был не только прорыв блокады, но и окружение с полным уничтожением противника. Вторая задача не была выполнена, противник продолжал отчаянно сопротивляться. За полтора года немецкие войска построили мощные оборонительные сооружения, которые войска Красной армии не могли преодолеть целый год. Капитан **Тикка Василий Иванович** (р.1921), командир саперной 1-й роты 128-го саперного батальона, был одним из тех, кому предстояло выполнить эту задачу. «Во время прорыва блокады города Ленина показал себя смелым и мужественным командиром, умеющим организовать инженерное обеспечение. На участке наступления 126-го полка в районе роща Круглая т. Тикка находился со взводом все время впереди. В результате его умелого командования взвод на пути движения полка снял 100 вражеских мин, сделал несколько проходов в проволочном заграждении противника и блокировал 4 вражеских ДЗОТа, уничтожив их гарнизоны.

Тов. Тикка во время боев под огнем противника со взводом установил большое количество рогаток перед передним краем нашей обороны.

12 – 13 марта 1943 г. тов. Тикка, выполняя приказ 2-й ударной армии по уточнению переднего края обороны и передаче всех

инженерных сооружений на участке 71 стрелковой дивизии под сильным огнем противника, установил состояние всех инженерных сооружений на переднем крае, что сделал быстро и доброкачественно, несмотря на опасность для жизни, что было отмечено представителями армии, возглавляющими передачу нашей обороны». 13.11.1943 года капитан Тикка погиб при освобождении Украины.

После прорыва окончательно блокада была снята только через год. В 1943 году продолжались ожесточенные бои за Синявинские высоты, за станцию Мга. Сержант **Ахонен Александр Иванович**, помкомвзвода, принял свой последний бой во время Мгинской наступательной операции летом 1943 года. «Бывший командир взвода разведки Ахонен участвовала в боях с 27 июля 1941 г. по 15 февраля 1942 г. и с 17 июня 1943 года по 22 августа 1943 г. в составе 533 стрелкового полка 188 стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Принимал участие в боях по обороне Ленинграда, за время боев лично было взято 6 плененных языков и уничтожено до 15 гитлеровцев, а 22 августа 1943 года, находясь в глубоком тылу у противника, проявил себя храбрым воином Красной Армии, с группой бойцов взорвал мост по шоссе на дороге, ведущей в г. Старая Русса, и по возвращении через линию фронта был ранен.

Ранение относится к категории тяжелого. По состоянию здоровья к военной службе признан негодным по ст. 49 приказа НКО №336 – 1942 г. (раздробление обеих костей левой руки после пулевого ранения). Решение ВТЭК признан инвалидом 3 группы.

Тов. Ахонен в настоящее время работает в Курголовской МТС в должности начальника отдела снабжения.

Заслуживает награждения орденом «Слава III степени».

Подготовила
Янина Ильяйнен

Фото справа сверху: на Ленинградском фронте. 1942 год.

От редакции

Ознакомившись с материалом Янины Ильяйнен, невольно задаёшься вопросами: кто эти люди? откуда родом? точно ли это представители ингерманландских финнов?

Попробуем ответить на эти вопросы. Прежде всего, совершенно очевидно, что все лица, упомянутые в опубликованном выше материале – ингерманландские финны.

Матвей Матвеевич Каулио (Kaulijomäen Matti) – родом из деревни Коркемяки (Korkeamaa) прихода Lempaala, последнее время жил в Ленинграде. **Василий Иванович Тикка** (Tikan Ville), погибший 13 ноября 1943 года на Украине, был родом из д. Настолово (Nastola) прихода Тугё. О других мы пока не можем точно сказать, кто это.

Достоин удивления, что о финнах-ингерманландцах, воевавших в Красной Армии, мы знаем так мало. Негативное отношение к финнам, распространённое в нашей стране в годы войны и особенно в послевоенное время, привело к удивительной аберрации: в сознании многих ингерманландских финнов постепенно укоренилась модель, в которой Советский Союз стали воспринимать как враждебное государство, а чужую в общем-то Финляндию – как своё. Таким образом те, кто так или иначе попали в Финляндию и воевали в рядах финской армии, заслужили героический ореол, а тех, кто всю войну воевал в Красной Армии, воспринимали с недоумением, чуть ли не как отщепенцев. Действительно, эти люди выглядели исключениями – на фоне массы военнослужащих-финнов, попавших в «трудармию». Однако, скорее всего, это были заметные и замечательные люди, представлявшие ценность для армии. Именно эти

люди, заслужившие награды, первыми получили после войны право жить в Ленинграде или в родных местах – если, конечно, остались в живых. Сколько их было – этого мы точно не знаем, однако можно думать, что таких было немало.

Речь не идёт о попытке в очередной раз «реабилитировать» ингерманландских финнов (по нашему мнению, это государству надлежит реабилитировать себя в глазах своих граждан). Речь идёт о том, чтобы прекратить практику очернительства ингерманландских финнов и умолчания их трагедии. В век интернета на общественное мнение влияют анонимные авторы, на ложные утверждения которых приходится реагировать. В частности, очень живучими оказались представления, согласно которым к финнам отношение плохое, поскольку «были случаи сотрудничества с немцами». Может быть и были (нам неизвестно), но главным было другое: неучастие ингерманландских финнов в военных и карательных акциях немцев на оккупированной территории, отсутствие антисоветских выступлений в блокаде, «трудармии» и в тылу, верность воинскому долгу и присяге – для оставшихся в армии.

Но и то, что мы знаем, надо уметь рассказать! Кроме Героя Советского Союза Петра Тикиляйна, уроженца деревни Марково (приход Kurpanitsa), погибшего 28 июля 1941 года в бою под Ристисалми, до сих пор было практически нечего предъявить антифински настроенным «патриотам». Но так было только по причине нашего незнания. Материал Янины Ильяйнен ломает устоявшиеся стереотипы. Хочется сказать автору и читателям: давай ещё!

ПРАЗДНИК КАЛЕВАЛЫ В ГАТЧИНЕ

180-летие первого издания Калевалы отметили в Центральной городской библиотеке имени Куприна (г. Гатчина), на краеведческой встрече «Земля Инкери».

В зале были оформлены выставки:

- издания Калевалы разных лет,
- Калевала в творчестве художников,
- работы мастерицы Анны Зыковой (Лиуконен) на темы сюжетов Калевалы,
- старинные предметы быта финского народа из коллекции Нины Аниконовой (Эртэ): самовар, медный чайник, утюги, подковы, лапти и др.

Директоры издательств Гйоль (Михаил Браудзе) и Остров (Леонид Амирханов) привезли из Санкт-Петербурга литературу об Ингерманландии на русском языке. Посетители библиотеки могли приобрести книги по издательским ценам.

Во вступительном слове ведущая библиографическим отделом библиотеки **Наталья Юронен** рассказала об Элиасе Лённроте (1802—1884), замечательном финском учёном, фольклористе и просветителе. Он проделал огромную собирательскую работу, записал в Карелии эпические сказания («руны»), лирические песни, заговоры. Выбрав из них лучшие варианты, и присоединив к ним руны, записанные ранее другими собирателями, он опубликовал в 1835 году первое издание карело-финского эпоса под названием «Калевала или старые руны Карелии о древних временах финского народа». В то время в Карелии было множество певцов-сказителей. Все они были крестьяне, рыбаки и охотники. Самыми замечательными из них были Ондрей Малинен, Ваасил Киелевяйнен и Архип Перттунен, от которого было записано 60 самых больших сказаний («рун»), при этом наилучших по художественным достоинствам, в том числе о мельнице Сампо — образе будущего счастья. Важно отметить, что Элиас Лённрот составил Калевалу из подлинных народных песен («рун»), то есть он сохранил для нас произведения народного творчества.

Историк и издатель **Леонид Амирханов** познакомил с новыми книгами от издательств Гйоль и Остров по ингерманландско-финской тематике.

Пастор евангелическо-лютеранской церкви Св. Николая (Гатчинского прихода) **Виктор Воронцов** рассказал о жизни лютеранских приходов Ленинградской области. Финская речь ещё слышна, но всё реже, отметил пастор. Затем Виктор Воронцов исполнил под гитару народную песню «Омал Маал». Сидящие в зале подпевали.

Пробст евангелическо-лютеранской церкви, пастор церкви Св. Екатерины (Сквирицкого прихода) **Павел Крылов** сделал сообщение на тему «Христианские мотивы и образы в карело-финском эпосе Калевала». В дополнение он спел несколько рун, аккомпанируя себе на кантеле.

Эпическую песню (руну) на карельском языке исполнил гость из Финляндии — Пекка. А двое мужчин показали, как в старину исполняли сказания (руны): сидя, повернувшись друг к другу лицом и взявшись за руки, пели, покачиваясь в такт песне. В зале были прихожане лютеранских церквей Сквирицкого, Колпанского и Гатчинского приходов. Праздничный вечер сопровождался видеоматериалами на экране из жизни карелов и финнов прошлого столетия.

Мастерица **Анна Зыкова (Лиуконен)** рассказала о своём творчестве. Её работы — лоскутное шитьё по сюжетам Калевалы (на фото внизу) — для многих

стали открытием и предметом восхищения. Панно выполнены с изумительным эстетическим вкусом, аккуратно, с использованием сложных элементов воспроизведены лица персонажей. Помогали ей создавать эти шедевры дочь Ольга, внучка Мария и правнучка Дашенька. Семья Лиуконен (на фото вверху) в составе 4-х поколений на всех мероприятиях тоже вместе.

Далее слово было предоставлено **Нине Аниконовой (Эрте)**. В народном финском костюме, в клетчатом шерстяном платке на плечах она исполнила руну под фортепиано и прочитала калевальскую руну о том, как Вяйнямёйнен изготовил кантеле...

Заключительная часть мероприятия незаметно перешла в весёлый фольклорный праздник

с отгадыванием загадок, собранных Элиасом Лённротом в Карелии. А отгадки находились перед зрителями среди предметов старинной утвари:

Чёрная птица красные яйца высиживает (чайник на углях)

Кривой, горбатый, все поля обходит, все нивы обмеряет (серп)

Чем больше свинка вертится, тем толще становится (веретено)

Охотно отгадывали загадки люди старшего возраста, которым с детства знакомы эти предметы. Зал был переполнен, и свободного места почти не оставалось, но в народные карельские игры — «парная жмурка», «гули, гули, раз» — всё же сумели поиграть и взрослые, и молодёжь. Студенты из Педагогического колледжа им. К. Ушинского в г. Гатчина (некоторые приехали учиться из Карелии) вместе со своими преподавателями — Татьяной Севастьяновой, директором музея бывшего финского педагогического техникума, и Викторией Новиковой, учителем финского языка — за участие в играх получили подарки от охотников Карелии: хвосты диких животных.

Владимир Яковлев, председатель Инкери-Сеура, поздравил всех с юбилейной датой и угостил настоящими карельскими картофельными пирожками из ржаной муки.

Материал подготовили участницы **Инкери-Сеура** (Гатчина).

МИККО КААСОЛАЙНЕН – КАНДИДАТ ОТ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Учитель... Авторитет его в финских деревнях был, как правило, очень высок. Обращались к нему за советом по самым разным вопросам. И в начале XX века учитель нередко активно участвовал в создании сельских кооперативов, представлял интересы крестьян в земском самоуправлении, а иногда — был кантором или органистом в приходской церкви. Имена учителей оставались в памяти многих поколений.

И еще в 80-е годы прошлого века во Всеволожском районе можно было найти людей, помнивших народного учителя Микко Каасолайнена, директора двухклассного училища в Токсово, представителя редакции финноязычной газеты «Нева», члена партии социал-демократов (меньшевиков) и кандидата в депутаты Учредительного собрания. Образ директора училища Микко Каасолайнена, настоящего интеллигента, обаятельного вольнодумца, пользовавшегося уважением учеников, запечатлен и писателем Юхани Конкка на страницах его автобиографического романа «Огни Питера».

Микко Каасолайнен родился 10 августа 1884 года в деревне Нижние Никулясы (приход Vuole-Miikkulainen). Его родителями были портной Антти Каасолайнен и Пятта Каасолайнен (Лоппери). В 1900 году Микко поступает в Колпанскую семинарию, которую заканчивает в 1904 году. До 1912 он работал учителем народной школы в Лепсари, а после — директором Токсовского двухклассного училища. В Токсово директор училища был человеком заметным, к мнению которого, несомненно, прислушивались.

Он активно участвовал в работе общества трезвости. Общества трезвости (идея которых пришла из Финляндии) в это время приобретало все большую популярность и среди ингерманландских финнов. Микко Каасолайнен написал книгу «Зарождение, развития и отмена крепостного права в России»,

был корреспондентом финноязычной газеты «Нева», выходящей в Санкт-Петербурге и стоявшей на социал-демократических позициях. Директор школы не чужд был и политической деятельности — был социал-демократом (меньшевиком). Он вошел в созданный в краткий период Февральской республики Центральный Ингерманландский комитет, ставивший перед собой задачу создания широкой национально-культурной автономии ингерманландских финнов с финским языком делопроизводства и собственной, независимой системой школьного образования.

А во время выборов в Учредительное собрание директор школы входил в Ингерманландский список, из которого, однако, не прошёл ни один кандидат. Очевидно, прагматичные ингерманландские финны предпочитали общероссийские партии, считая, что они в большей степени смогут изменить ситуацию в стране в лучшую сторону. И наибольшее количество голосов (как и в целом по России) было отдано партии социалистов-революционеров (эсеров).

Через некоторое время Микко Каасолайнен вступил в партию большевиков, в 20-е годы XX века занимал руководящие должности. Что побудило его, человека с демократическими взглядами, поборника национальной культуры, встать на сторону большевиков? Возможно, социальные идеи взяли верх над национальными и демократическими, а репрессии он считал, возможно, издержками гражданской войны, которые уйдут в прошлое после победы. Тем более, что наступивший в 1921 году почти десятилетний период НЭПа был относительно спокойным, а статус финского языка в Ингерманландии достиг (правда, на короткое время) высокого уровня. Микко Каасолайнен пал жертвой репрессий в 1937 году.

Учитель и ученик

Микко Каасолайнену посвящено немало лирических строк в романе «Огни Питера» знаменитого уроженца Токсова — писателя Юхани Конкка. Немало страниц посвящено училищу — учебе, быту учеников, их отношениям — дружбе и ссорам — и, конечно же, учителям — директору Микко Каасолайнену и молодой учительнице Паулине Ивановне Берзин, вскоре ставшей его женой. На страницах своего романа Юхани Конкка изображает интересную, насыщенную жизнь в училище, где учителя отдавали крестьянским детям все свои знания и силы. Так, в училище постоянно ставили спектакли по литературным произведениям финских писателей, в которых участвовали почти все учащиеся. Юхани Конкка вспоминал также, что вместо положенных по программе уроков закона Божьего Микко Каасолайнен обычно читал детям Калевалу или художественные произведения. Большинство подростков были из деревень, весьма удаленных от Токсова, и

жили они в интернате, как и Юхани Конкка.

Здесь, в стенах училища, деревенские дети могли прикоснуться к совершенно иной жизни, отличной от их повседневности — провести вечер за книгой, не думая о том, что их в любой момент могут позвать принести воды, наколоть дров, укачать младенца. Мы видим крестьянского мальчика, будущего писателя, читающего стихи Есенина и говорящего со своей одноклассницей Анной Нокелайнен о Достоевском. А однажды Паулина Ивановна на две недели отстранила от занятий будущего писателя за нарушение приказа директора — выход на еще неокрепший лед Кавголовского озера.

Во время Февральской республики пятнадцатилетний Юхани Конкка по поручению отца агитирует голосовать за Ингерманландский список (пятый номер в избирательном бюллетене). В него входили всего три кандидата — меньшевики Юхана Перяляйнен и Микко Каасолайнен, а также — двоюродный брат писателя эсер Микко Питкянен. А председателем окружной избирательной комиссии в Токсово был отец писателя Симо Конкка, меньшевик, как и Микко Каасолайнен.

Юхани Конкка вспоминал, что позднее (очевидно — в конце 1918 — начале 1919) он навестил Каасолайнена, жившего в это время в Петрограде и уже примкнувшего к большевикам. Но разговор, как говорится, не клеился. Очевидно, Микко Каасолайнену было неудобно перед сыном бывшего товарища по партии — Симо Конкка не изменил своих убеждений, оставшись меньшевиком. Впрочем, фанатиком Микко Каасолайнен не был и помог семье Конкка уйти за границу вместе со своим младшим братом молодым портным Антти Каасолайненом, жившим в Вуолах и хорошо знавшим местность.

Мой дедушка — Микко Каасолайнен

«Я родился в 1949 году, дедушку, конечно, не видел, а вот бабушку Паулину Ивановну помню очень хорошо. Она была латышкой, родилась в Петербургской губернии, где ее отец Ян Берзинь был лесником в имении графа Витгенштейна. Она закончила Земское училище, находившееся на Петровском острове в фабричном городке Сан-Галле, и была направлена учительницей в Токсовское двухклассное училище. Директором там был мой дедушка, Микко Каасолайнен, сразу обративший на нее внимание», — рассказывает профессор кафедры автоматизации производственных процессов Университета технологии и дизайна Андрей Борисович Кикин, внук Микко Каасолайнена: «И как-то раз Микко сказал ей, что собирается жениться, а фотография невесты стоит у него на шкафу. Молодой учительнице стало любопытно и она подошла к шкафу, а там стояло маленькое зеркальце! Так он к ней посватался». И очень скоро сыграли свадьбу. Бабушка рассказывала, что в 1918 году училище было закрыто и

семья переселилась в Романовку, где он тоже был директором школы. Там у них родилась дочь Виктория, моя мама, а в 1920 — вторая дочь, Елена.

В начале 20-х Микко Каасолайнен несколько месяцев был директором педагогического техникума в Гатчине, потом преподавал в Институте народов Севера.

Однако в середине 30-х ему припомнили меньшевистское прошлое, исключили из партии. Последние годы он был учителем в рабочей школе на судостроительном заводе им. Марти (ныне «Адмиралтейские верфи»).

В 1937 году его арестовали, в ноябре Микко Каасолайнен был расстрелян по приговору «тройки».

Бабушка рассказывала, что о расстреле сообщили не сразу, и еще до нового года в тюрьме принимали передачи...

Вскоре семья была сослана в город Омутков Кировской области. Потом их сослали еще дальше, в Новосибирскую область. «Однако где-то в это время Сталин сказал что «сын за отца не отвечает» и моей маме Виктории Каасолайнен дали разрешение поехать на учебу в Казань, в медицинский институт» — рассказывает Андрей Борисович. Тут ей

снова повезло: милиционер, выписывавший ей паспорт, записал в графе национальность «русская». «Или чудной был, или пожалел, захотел помочь. Говорит: «я знаю только две национальности — русские и евреи. На еврейку вы не похожи!» — рассказывает Андрей Кикин.

Через несколько лет начнется война и молодой врач, только получив диплом, наденет форму, станет военным медиком, вместе с военным госпиталем лейтенант Виктория Каасолайнен пройдет всю войну.

Во время войны она вышла замуж за своего коллегу. Однако жизнь не заладилась — оказалось, что у мужа есть другая семья. И вскоре они развелись, однако она тогда оставила себе фамилию первого мужа — Пинчук.

«После войны в Ленинграде мама много лет работала в Военно-медицинской академии. Через несколько лет она встретилась с моим отцом — архитектором Борисом Кикиным, а в 1949 родился я. Однако вскоре родители развелись и мама в общем-то растила меня одна» — рассказывает Андрей Кикин.

В 1953 ее начали вызывать в Большой дом, возможно что-то раскопали. И, если бы

не смерть Сталина, все могло закончиться трагически. А в 1957 в Ленинград из ссылки приехала бабушка. В тот же год был посмертно реабилитирован Микко Каасолайнен.

«Мне тогда было 8 лет, я ее никогда не видел и довольно долго называл на «вы». Бабушка почти все время жила вместе с нами, в свою комнату в коммуналке приезжая два-три раза в год на неделю-другую, чтобы подтвердить факт проживания» — рассказывает Андрей Кикин. Бабушка иногда рассказывала про деда, ингерманландских финнов, жизнь в былое время в Токсово и Романовке, где когда-то все говорили по-фински. Когда началась перестройка и стали доступны многие архивы, Андрей Кикин захотел узнать как можно больше про своего деда, нашел записи в церковных метрических книгах о его крещении, венчании, его родителях. И настоящей находкой для него стала книга «Огни Питера», изданная в 2013 году на русском языке. Дочь Микко Каасолайнена, фронтовой врач Виктория Михайловна Пинчук (Каасолайнен), прожила долгую жизнь и умерла в 1999 году, в один год со своей младшей сестрой Еленой.

Андрей Пюккенен

СОБЫТИЯ

Юханнус-2015

Юханнус — это праздник, которого ждут весь год. Наверное, с той самой минуты, когда светлым июньским вечером догорает праздничный костер.

Вот и в этом году 20 июня ингерманландские финны собрались в уютной ложбине среди дудергофских холмов, на территории Туутари-парка. Приветственную речь произнес председатель Инкерин Лиитто Александр Кирьянен, напомнивший, что до войны финны в Туутари составляли большинство населения, обсуждался даже вопрос о создании здесь национального района. Под звуки Nouse, Inkeri! на флагштоке был поднят ингерманландский флаг.

Юханнус-2015 стал 27-м в истории ингерманландского возрождения. В праздничном концерте перед зрителями выступили группы Talomerkki, Kotikontu, Taivas, детские ансамбли Linnud и Светлячки. Последние годы доброй традицией стало участие коллективов, представляющих культуру родственных финно-угорских народов. И на этот раз в Туутари прозвучали мордовские и марийские песни. Праздничную программу на финском и русском языках вели Владимир Кокко и Айно Яскола. А после завершения концерта наступил главный момент праздника — к небесам взметнулось пламя костра, вокруг которого закружился хоровод.

Андрей Пюккенен
Фото автора

Ингерманландский праздник в Эстонии

27-28 июня в Раквере прошел юбилейный 25 летний праздник ингерманландских финнов проживающих в Эстонии. Первый праздник проходил в городе Элва. Как правило он проходил в июне, но не попадал на праздник Юханнус, как это происходит в России. Причиной тому является празднование Юханнуса по всей Эстонии. Первый день празднования прошел в 23 км от города, на берегу Porkuni järv. Атмосфера была неформальной. Участники праздника (который к слову объединил ингерманландцев из Эстонии, России и Финляндии, а также представи-

телей других финно-угорских народов) общались, пели и танцевали. Официальная же часть праздника началась с воскресного богослужения в Kolmainu kirik, проходящего по литургии составленной Моозесом Путро. После службы все участники праздника подняв ингерманландский, эстонский и финский флаги, торжественно проследовали к месту проведения праздника Vallimäki, где происходило выступление финно-угорских коллективов.

Тойво Пумалайнен
Фото автора

Качели (ф. *keinu*, инг.-ф. *liekku*) — неперенный атрибут летних праздников, в том числе Юханнуса, в прежней Ингерманландии — Ред..

ТЕРРИТОРИЯ ПОИСКОВ – БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

У Тимо Лааксо, 55 лет, густая борода, очки в тёмной оправе. Тип учёного, но он не профессор университета, а единственный работник поискового бюро.

– Кто я? Где мой отец? Куда пропала моя сестра? Живы ли мои двоюродные братья и сёстры?

На такие вопросы многих людей Тимо Лааксо ищет ответы на протяжении почти 30 лет. Его «бюро» расположено в углу гостиной в хельсинском районе Вуосаари.

«Я занимался поиском приблизительно 3000 пропавших», говорит Тимо Лааксо. У него дома – рабочий архив, пара сотен папок, а основной архив – в трёх хранилищах в Пихлямяки и Кайвопуйсто.

«Если папки выставить в ряд, получится около 300 метров».

Фронт работы Лааксо очень велик – это весь бывший Советский Союз. Туда стремившиеся и туда возвращенные, там пропавшие и оттуда бежавшие. В своей работе поисковика (сыщика) он видит «всю палитру человеческой жизни, от А до Я».

«Даже Мика Валтари не придумал бы такие истории, с которыми пришлось столкнуться мне», – говорит Тимо Лааксо.

Брат позвонил из Финляндии! Дело было в 1990-е – жили без интернета, соцсетей, электронной почты. В российской глубинке, по деревенской улице в Мурманской области бежит карелка Мария. Она вбегает в дом, отдышавшись, рассказывает новость. Семья дочери взрывается от хохота: «Да конечно, брат позвонил из Финляндии!»

Мария не сдаётся: «Позвонил. Мы долго разговаривали. Брат живет в пригороде Хельсинки, у него сын и дочь», – рассказывает Мария. Дочь покатывается со смеху – мама из ума выжила. Мария продолжает: «Летом брат приедет сюда, и мы встретимся».

Отец Марии, Фома, в 1942 попал в плен к финнам. Он был переводчиком и позже вступил в «батальон соплеменников» финской армии. После войны он решил остаться в Финляндии. Под другим именем. Через фронт до него дошла весть, что семья погибла при эвакуации от немецкой бомбёжки.

В Финляндии у Фомы появилась семья, родились двое детей. Однако жениться он не мог, так как официально «не существовал». В 1954 году он случайно попался и был отправлен в СССР. Отсидев полтора года из 25, вышел по амнистии.

Его ждала счастливая неожиданность: российская семья не погибла.

Отец вернулся домой в карельскую семью. Но у него была и другая семья, у Марии два сводных брата в Финляндии. Фома не решился назвать имена сыновей и место их проживания, чтобы не было возможности их найти.

«Настанет ещё день, и я встречу с сыновьями», сказал Фома дочери Марии.

Отец не успел увидеть сыновей, но Марии это удалось.

Брат позвонил. Брат приехал из Финляндии.

Рассказ о Фоме – это один образец тех невероятных загадок, которые разгадывает Лааксо. Иногда у истории бывает грустный конец.

Семья ингерманландцев приехала в Финляндию в военном 1943 году. Один из сыновей остался, а семья вернулась в СССР в декабре 1944 года. Второй сын переехал в Финляндию в 1990-е. Не зная друг о друге, братья жили в одной местности в нескольких километрах друг от друга. Когда Лааксо разгадал эту загадку, их встреча была уже невозможна: один из братьев к этому времени уже умер.

Случаются запросы, в которых надежда принимается за действительность.

Родственники были уверены, что их дедушка пропал на Зимней войне и попал в советский плен. Порывшись в документах, Лааксо вынужден был сообщить совсем другое: дедушка бежал в 1930-е через восточную границу.

«В поисковой работе критичное отношение к источникам очень важно», говорит Лааксо.

Иногда поиск приобретает деликатную окраску. В 1970-е финны работали на строительстве гостиниц в СССР. Кроме результатов своего труда они оставили внебрачных детей. Сейчас эти дети ищут своих отцов в Финляндии.

Кто-то из них знает об отце много, кто-то – только имя. Мужчины реагируют на телефонные звонки от Лааксо по-разному. Одни скрывают прошлое от нынешней семьи, другие пытаются тайно помочь финансировать учебу русского ребёнка.

Есть и счастливые истории. «Один сказал, что ждал этого звонка 30 лет». Отец впервые связался со своим сыном.

Бабушка Тимо Лааксо, переселенка из Карелии, трижды была вынуждена оставлять свой дом в Яски. Маленький мальчик слушал с интересом бабушкины воспоминания, впитывал яркие рассказы о судьбе семьи. В десятилетнем возврате без привлечения метрических книг составил своё генеалогическое древо.

Тайны генеалогии открылись ему в 16-летнем возрасте. Он ездил из Куусанкоски в Коуволу в областную библиотеку. Там можно было заказать из Хельсинки отпечатанные на микрофильмы метрические книги.

Первый поисковый заказ Лааксо выполнил в 1987 году. Однажды он обратил внимание на объявление в газете Армии Спа-

сения «Военный Клич»: русские искали в Финляндии пропавших родственников.

Восточный сосед был ещё силен.

«Это казалось экзотичным и заманчивым, когда стали приходиться запросы из СССР».

В обширном архиве Лааксо содержатся истории с царских времён до настоящего времени.

Люди передвигались – и терялись – по обе стороны восточной границы. Во времена Автономии финны отправлялись в Петербург на заработки. Женщины выходили замуж за проживавших в Финляндии русских военных и уезжали в большие города. Русские купцы и чиновники до революции переселялись в Финляндию.

1918 – 1922 годы были кровавыми и бурными.

После гражданской войны красные бежали в Россию. Когда в Финляндии обстановка уже нормализовалась, за границей свирепствовала гражданская война: в ней участвовали русские, украинцы, ингерманландцы и карелы. После Кронштадтского мятежа, закончившегося поражением, в Финляндию пришла ещё одна волна беженцев.

В 1930-е годы активизировались перебежчики.

Из Карелии и Ингерманландии тайно уходили в Финляндию. Из Финляндии в СССР бежали около 15000 человек – большинство в поисках работы, а не идеи.

«Из перебежчиков-мужчин большая часть была в СССР расстреляна», – говорит Лааксо. – «Десятки детей попали в детские дома».

Вот расследованная им история из Котки. 15 мужчин при попытке бегства были задержаны морскими охранниками. Среди них был двоюродный брат бабушки Тимо Лааксо.

«Бабушкин двоюродный брат не повторял своей попытки», – говорит он. – «Но, похоже, что пыл других не угас. В конце концов всё закончилось печально».

За военные 1939-1944 годы появилось много сирот. В Восточной Карелии родились десятки детей от финских солдат, а в Финляндии от советских военнопленных.

В результате приёма и возвращения 60 000 ингерманландцев в 1942-44 годах были пропавшие. Часть ингерманландцев после войны бежала и Швецию, а оттуда дальше в Канаду и США.

«Убежавшие дальше всех нашлись в Аргентине».

Ингерманландцы получили возможность переселиться в Финляндию в начале 1990-х. Семьи распались, часть родственников осталась за границей.

«Сейчас родные, знакомые, бывшие соседи ищут друг друга».

Тимо Лааксо в России знают лучше, чем в Финляндии.

Причина этого в телепередаче «Жди Меня», идущей в стране восточных соседей. Лааксо 12 лет является добровольным помощником, который нашел за это время около «1500 пропавших». Это популярная в России передача имеет версии своего формата в Украине, Казахстане, Белоруссии и Молдавии.

Большинство историй связано со второй мировой войной. Из СССР бежало и было вывезено много людей на принудительные работы в Германию.

Свежий разгаданный случай для московской программы – такков результат поиска Лааксо.

Три молодых человека отправились с Украины в Германию. После войны они не захотели вернуться в СССР, а продолжили свой путь через океан. «Их потомки нашлись в Канаде и США».

Занимающийся поиском должен иметь терпение. Есть случаи, разрешенные после 15 лет поиска. В промежутке между встречей потерявших друг друга может быть целая человеческая жизнь.

«Мой рекорд – это встреча родственников после 79 лет разлуки», говорит Лааксо. «Ингерманландка, вернувшаяся в Финляндию, встретила своего дядю в 1996. Дядя помнил ещё их первую встречу в 1917 году».

Тимо Лааксо знает русский язык. Знание языка необходимо, но это не достаточное условие для поиска. Много зависит от того, как подобраться к источникам.

Разыскиваемого русского «в десять раз легче» найти в Финляндии, чем финна в России.

Маленькая страна, архивы логичные и находятся в порядке», – говорит Лааксо.

Поиск в России осложняется ещё и тем, что часто имя пропавшего изменено или поменялось его написание. Ещё одна проблема – бюрократия.

Прошлым летом Лааксо обратился в архив Министерства обороны России. Недавно пришел ответ: «обратитесь в другой отдел». Ожидаемо, что и оттуда придёт подобный ответ.

В архив Министерства обороны невозможно попасть без пропуска, который нужно получить у некоего полковника в Москве, говорит Лааксо.

«После этого нужно вернуться и ждать в Финляндии ответа от этого полковника».

Деньги сгорают, пока откроются архивные двери. Сначала Лааксо посылает запрос. Если информация нашлась, архив отправляет счёт в Финляндию. Счёт оплачивается в банке, квитанция сканируется и посылается в Россию. После этого документы электронной почтой присылаются в Финляндию.

Лааксо не может даже примерно посчитать, сколько за годы ушло денег на это занятие.

«Несколько раз пришлось опустошить банковский счёт, а

ещё продавать лес». В 2010 Лааксо продал половину принадлежавшей ему коллекторской фирмы. Сейчас у него предприятие «Финнпоиск», специализирующееся на поиске пропавших.

«Поиск – это больше, чем бизнес, это образ жизни».

«Занимаюсь поиском не ради себя, а ради тех несчастных, кого потрепали исторические события».

Платёжеспособных клиентов мало. Особенно сейчас, когда курс рубля упал, а экономика восточного соседа – в кризисе. Нередко Лааксо высылает клиентам русские почтовые марки, чтобы они могли ответить на его вопросы.

«Если бабушка в украинском бомбоубежище ищет свою сестру, пропавшую во время второй мировой войны, то просить у неё плату даже не приходит в голову».

Однажды из далёкой Сибири пришла посылка. «Одна пожилая женщина в знак благодарности послала связанные своими руками носки из овечьей шерсти».

В пятницу 13 марта исполнилось 75 лет со дня окончания Зимней войны. Весной 1940 в Финляндию были возвращены более 2000 гражданских лиц, оказавшихся в советском плену. Случай в Суоярви, что в приладожской Карелии, исследован досконально. Возвращенные, умершие в лагерях, оставшиеся в СССР – по всем этим людям проведены исследования. Но по пропавшим на Карельском перешейке или попавшим в плен

гражданским лицам – нет точных списков.

Журнал «Суомен Кувалехти» в своей недавней публикации сообщил, что пациенты психиатрической больницы в Кивеннапа не были эвакуированы. Около десятка людей никогда не вернулись в Финляндию. Погибли ли они при артобстреле, или попали в плен у Красной Армии, остаётся загадкой.

Если они остались живы, куда был перевезены? Откроются ли архивы тайных служб России? Куда попали сведения о пациентах больницы?

«Душевнобольных убирали с глаз долой от советского общества и военного ведомства. Никому и в голову не пришло сообщить о них», – говорит Лааксо. – «Возможно, они пропали в архипелаге психиатрических больниц».

Лааксо считает публикацию об этом случае «большим, исключительно важным сообщением». Если пациенты выжили, то, по мнению исследователя о них остался след в архивах. «В Советском Союзе никого не расстреливали без составления документа об этом».

Петри Пёнтинен

Suomen Kuvalehti 15.03.2015

<http://suomenkuvalehti.fi/jutut/kotimaa/yhdenmiehen-etsintatoimiston-tyomaa-on-loputon-entinen-neuvostoliitto/?shared=73111-6c757e22-999>

Перевод: **Элина Лоппер**, специально для газеты «Inkeri»

СОЙКИНСКИЙ УЗЕЛ

Ижорская община стала объектом разнузданной травли в Интернет-СМИ

Вот уже почти 10 лет, как на Сойкинском полуострове, в древнем краю ижор, действует Общественная организация «Община малочисленного народа ижора Шойкула». В ее активе – конференции, выставки, посвященные языку, истории и культуре ижорского народа, выпуск специальных номеров газеты «Сойкинский край» и ижорского календаря, запись ижорского фольклора, восстановление ижорских костюмов. Есть и проекты, ориентированные на самых маленьких, такие, как выпуск ижорской книжки-раскраски. И, конечно, нельзя не упомянуть прекрасный ижорский праздник, который каждый год проходит в Вистино в середине июля, собирая не только местных жителей, но и множество гостей. О работе общества «Шойкула» мы рассказывали на страницах «Инкери» (№1 2013). Неожиданно организация стала объектом разнузданной травли в Интернет-СМИ. Община была обвинена в работе «на Финляндию и Эстонию» и даже названа экстремистской. Ижорские активисты убеждены, что причиной стала твердая позиция населения в отношении планов строительства на Сойкинском полуострове карбамидного завода, активное участие в сборе подписей местных жителей против превращения Сойкинского полуострова в промышленную площадку для опасных производственных предприятий.

На вопросы корреспондента «Инкери» отвечает член общественной организации «Шойкула» **Дмитрий Харакка-Зайцев**.

— **Дмитрий, что стало причиной кампании, развязанной против Ижорской общины «Шойкула», всегда дистанцировавшейся от политики?**

— Мне кажется, что все началось в январе 2014 года, после общественных обсуждений предварительного варианта материалов по оценке воздействия на окружающую среду намечаемой хозяйственной деятельности балтийского карбамидного завода. В Вистино обсуждалось строительство завода по переработке природного газа в аммиак и карбамид. Были главы местной и районной администраций, проектировщик и представители ООО «Балтийский карбамидный завод». Представили проект карбамидного завода, который планируется построить рядом с деревнями Мишино и Югантово. Представители инвестора пытались убедить присутствовавших в том, что реализация проекта улучшит жизнь людей, что местное население от этого только выиграет. Нельзя забывать о том, что это химическое производство первого класса опасности, и это не просто формальная характеристика объекта. Важно оценивать и технологии производства, и используемые прямые материалы, и вопросы транспортировки, и уже построенные предприятия, которые

концентрируются вблизи деревень. Такая концентрация опасных производств на сравнительно небольшой территории может привести к необратимым последствиям. Экологическая ситуация здесь уже далека от нормальной, а внештатная ситуация на одном из предприятий может вызвать целую цепь катаклизмов. Люди думают о своей безопасности, о здоровой окружающей среде и о будущем края.

— **Вы видите в строительстве нового производства прямую угрозу сохранению ижорского народа и Сойкинского полуострова как места его компактного проживания?**

— Новое строительство негативно отразится на сохранении традиционной среды для коренных народов – ижор и води. Не вернуть будет уникальную экосистему края. Уже сейчас население и природа края испытывают высокую антропогенную нагрузку, каждый день сталкиваются с негативными последствиями постоянной стройки. Это приезд большого количества людей из других регионов, постоянное движение грузового транспорта, освоение всё новых и новых участков леса и полей. Народ сейчас поставлен в такие рамки, что и от рыболовства многим семьям пришлось отказаться, искать ра-

боту в других сферах, часто не характерных для традиционного уклада ижор. Спросите представителей любого народа: «что для вас главная ценность?». Кто-то назовет семью, религию, может быть кто-то и финансовое благополучие, добытое любыми путями. Спросите у ижора, что для него ценность и в большинстве случаев вам ответят: «море, природа и наш родной край, любовь к ним». Перед глазами недавний пример – практически полное уничтожение рыболовства, в котором традиционно были заняты большинство местных жителей – не только ижоры, но и люди других национальностей, живущие здесь. Рыбный промысел для ижор – это традиционная, сложившаяся веками хозяйственная деятельность, часть самобытной культуры народа, которая сейчас безвозвратно теряется. Здесь еще как будто недавно работал рыболовческий колхоз и рыбообработывающий комплекс (РОК). Промышленное строительство без соблюдения интересов всех заинтересованных сторон поставило крест на многовековом местном промысле. А если в недалеком будущем из окон домов будет видна одна бесконечная промзона, люди просто будут уезжать отсюда, произойдет смена населения и полная утрата исторической памяти. И на общественных слушаниях, и между собой ижоры, и все, для кого этот край стал родным, с болью в сердце описывают свои ощущения от тех изменений, которые происходят у них на глазах с их родными местами, с землей их дедов. И это ощущение не зависит от возраста или места работы человека.

— **Против строительства выступили не только представители ижорской общины?**

— Конечно. Местные жители из разных деревень Вистинского сельского поселения, пришедшие на слушания, продемонстрировали единство, выступив против строительства. В слушаниях приняли участие и местное объединение ветеранов, и инвалидов, и представители экологических общественных организаций, жители соседних сельских поселе-

ний. Угроза объединила местных жителей разных национальностей, возрастов, политических взглядов. Так сложилось, что у нас многие десятилетия живут люди разных национальностей – ижоры, русские, украинцы, армяне, между нами были и остаются добрососедские отношения. В протоколе публичных слушаний было зафиксировано отрицательное отношение жителей к строительству карбамидного завода и развитию промышленной зоны. Это вселило в людей надежду на то, что разум возобладал, и инвестор примет решение о строительстве своего предприятия в более подходящем месте, например, в депрессивных районах области с исторически сформированными промзонами, дабы не наносить урон природе.

— **Наверное, представитель компании пытался привлечь на свою сторону местных жителей, обещая новые рабочие места?**

— Да. Но много в доводах этих представителей инвестора было нестыковок. Многим стало понятно, что на химический завод из местных жителей не возьмут никого. Думаю, даже не стоит объяснять причины. У нас нет людей с нужной подготовкой, квалификацией. Обучение и переподготовка местных жителей, связанные с этим затраты времени и финансов нецелесообразны для инвестора. Сами представители инвестора подтвердили, что сюда будет привлечено много людей с других аналогичных производств из разных регионов страны. Хочу сказать, что у нас в поселении есть несколько человек, активно поддерживающих строительство, и причины их активности всем понятны. Нельзя осуждать кого-то за независимую точку зрения. Каждый вправе придерживаться своего мнения. Но оно должно быть достойным образом аргументировано. Только в этом случае возможен конструктивный диалог, а не перебранка. История знает много примеров, когда погоня за сиюминутной выгодой и нежелание мыслить перспективно имела плачевные последствия.

— Как развивались события после слушаний?

— Писались письма, обращения, представителю Президента России, губернатору Ленобласти, в МЧС, а также в Консультационный комитет финно-угорских народов, в другие государственные структуры и общественные организации. Тут же еще раз хочется подчеркнуть активную гражданскую позицию жителей, которые не делили друг друга на ижор и не-ижор. Группа инициативных жителей даже подготовила документы для проведения референдума по вопросу строительства, однако разрешения на его проведение получено не было. Были и обращения от Ижорской общины Шойкула. Одно из таких обращений мы направили в неправительственную организацию «Финноугрия», офис которой находится в Таллине. Тогда это обращение приобрело неожиданный резонанс в Ленинградской области. Я знаю, что эта организация обратилась (по своей инициативе) в Риигикогу (парламент Эстонии). Ситуация обсуждалась эстонскими парламентариями. Это впоследствии и вызвало особую злобу наших недоброжелателей, дало повод для грязных инсинуаций и спекуляций.

К нам стали обращаться и телевизионные каналы НТВ, 100 ТВ, Кингисеппские СМИ – которые, на мой взгляд, дали объективную оценку происходящему. Были и определенные положительные результаты. Так, мы получили очень здравый ответ из «Росприроднадзора», в котором подчеркивалось, что решение о строительстве нового чрезвычайно опасного производства должно приниматься с учетом экономической и экологической допустимости и целесообразности в том числе с учетом уже построенных и запланированных портовых объектов. Представитель ООН посетил Администрацию Кингисеппского района и встретился с местными жителями. Губернатор Ленинградской области Александр Дрозденко приезжал к нам в Вистино, встречался с жителями, выслушал мнение людей по поводу планируемого строительства. Люди попытались донести до него свое негативное отношение к происходящему. Именно на той встрече, губернатор заявил о своем телефонном разговоре с

руководителем инвестора и о его решении перенести строительство чуть ли не в другой регион. К проблеме и год назад, и сейчас особое внимание.

Однако вскоре в Интернете появились грязные статьи про ижор и вожан. Нас обвиняли, в частности в том, что мы хотим «вернуть Вистино в каменный век». Они были размещены на известных порталах Петербурга и Ленинградской области. Я не обвиняю непосредственно в написании и размещении этих «статей» владельцев и редакторов в общем-то уважаемых сайтов, поскольку их размещали пользователи, скрывшиеся за псевдонимами (есть такой сервис на этих порталах). Однако администраторы почему-то не убрали статьи, многие из которых содержали клевету и оскорбления в адрес народов и представляющих их интересы общественных организаций, в адрес конкретных лиц. Я полагаю, что эти статьи заказные. Тексты и обороты колют из статьи в статью вот уже второй год. Ощущение, что нас хотят рассорить чуть ли ни со всем российским обществом. Некоторые высказывания запросто могут спровоцировать межнациональные конфликты.

— Однако, при разработке генплана МО «Вистино» мнение жителей не было учтено?

— Да. Настоящим шоком для нас стали публичные слушания в конце 2014 года, когда обсуждался генплан муниципального поселения «Вистино», который должен действовать до 2025. Ознакомившись с ним, мы ужаснулись. Явный упор был сделан на новые промышленные зоны в разных точках Сойкинского полуострова. Реализация этого плана полностью исключает – как сейчас, так и в будущем – развитие сельского хозяйства, рыболовства, пищевой промышленности.

На слушаниях представители администрации не ответили по существу ни на один вопрос. Очень неприятно было видеть неуважительное отношение к людям, пришедшим на слушания. Людей прерывали, если вопрос не укладывался в минуту, не позволяли задавать уточняющих вопросов, делать комментарии к проекту генплана, угрожали силой вывести из зала. Как было

сказано главой администрации поселения «на озвучивание одного устного вопроса отводится не более одной минуты», при этом надо учесть, что вначале от человека требовалось каждый раз полностью назвать своё ФИО и адрес. Вот и считайте, что остается на сам вопрос. Но жители, видимо понимая, что их ждет, подготовили письменные комментарии и вопросы, которые и направили в администрацию. Ознакомившись с ответами на них, я понял, что, к сожалению, задача принять проект генплана была выполнена, невзирая на мнения граждан.

А после слушаний начался новый виток кампании, развязанной против активных жителей и общины. Это отдельная история, связанная с выпуском так называемых бюллетеней гражданской инициативы «Вистино сегодня» – по сути, анонимная листовка. А потом появился материал на 47news под заголовком «Государство Ингрия – бредовая идея». В нем, в частности, утверждалось что во время заседания Совета по делам национальностей губернатор региона Александр Дрозденко заявил об экстремистских организациях – «Ингрия» и «Шоклы».

Цитируем дословно:

«У нас есть небольшие группы граждан, которые, даже не будучи жителями Ленобласти, пытаются влиять на умы, мнения и поступки жителей», – сказал он. К этим организациям Дрозденко отнес «Шоклы», что базируется в Вистино и Усть-Луге Кингисеппского района и, по мнению губернатора, проводит деятельность, ориентированную на подрыв интересов российского государства. Также Дрозденко считает, что шовинистический характер имеет и «Ингрия», и единственная цель ее – подрыв интересов российского государства. «Ингрия» хочет зародить сомнение по поводу единого российского государства и несет в себе бредовую идею о создании государства «Ингрия»».

Источник:

<http://47news.ru/articles/85875/>

Эта информация позднее появилась и на других Интернет-ресурсах. «Шоклы» – очевидно, искажённое «Шойкула», и речь, видимо, шла о нас. О какой «Ин-

грии» идёт речь, мне непонятно, я не знаю действующей организации именно с таким названием.

Конечно, первая мысль после прочтения этих статей в интернете была о том, что корреспонденты как обычно что-то не услышали, что-то неправильно записали, что, может быть, это очередная провокация, чтобы обострить взаимоотношения общественной организации и народа с властью.

— Как вы будете реагировать на эти обвинения?

— Ижорская община 18 марта направила официальный запрос губернатору Ленинградской области, в котором просила разъяснить, было ли сделано первым лицом региона данное заявление, и, если да – то на каких фактах оно было основано. В случае если губернатор не говорил этого, община просила получить соответствующее официальное заявление и предпринять соответствующие действия для защиты чести и достоинства и своей, как губернатора, и нашей организации. Ответ на наше обращение мы получили лишь в конце мая, от председателя Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям. В этом письме нам разъясняли, что 47news не является официальным СМИ правительства Ленинградской области, а также нам рассказали о тех программах поддержки малочисленных народов, которые действуют на территории региона. Так как ответа от самого Губернатора мы так и не получили, направили повторный запрос А. Ю. Дрозденко уже в июне.

Уверен, что все трудные вопросы можно решить в диалоге, то есть тогда, когда все стороны готовы слушать, слышать и понимать друг друга. Не нужно бояться быть открытыми и общаться напрямую без посредников с их «испорченными телефонами».

Беседовал и записал
Андрей Пюккенен

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

27 февраля 2015 года Марии Антоновне Хейнонен исполнилось 100 лет

Я расскажу о человеке, с которым знакома косвенно, это мама моей хорошей знакомой Валентины Толстопятовой. Преклоняюсь перед обеими зеленогорскими землячками.

Мария Антоновна родилась в ижорской деревне Ловколово (Loukkula) в Кингисеппском районе Ленинградской области, в многодетной семье. С тяжёлым крестьянским трудом и работой по дому Мария знакома с раннего детства. Ей, как и другим детям, приходилось помогать отцу, который был рыбаком, распутывать, чинить и сушить сети для следующего лова. Мария дала себе слово, что не станет женой рыбака, потому что не понаслышке знала, что значит тянуть мокрые сети с уловом, зимой ночевать на морском льду, мёрзнуть на пронизывающем ветру и выполнять тяжёлую физическую работу, непосильную для мужчины и, тем более, для девушки.

За 100 лет, которые прожила на свете Мария Хейнонен, многое изменилось в мире до неузнаваемости. На её глазах проходили революции и войны, она и её родные испытали голод и разруху Первой мировой и Гражданской войн, разорительную «коллективизацию».

Были в её жизни и счастливые годы. Юная Мария не устояла перед ухаживаниями парня из деревни Кастивской (Pankkala) Ломоносовского района, Георгия Мартыновича Хейнонена (1909-1941), за которого она и вышла замуж. Георгий был строителем, ему постоянно приходилось пе-

ребираться с одного объекта на другой. Вместе с мужем и Марии приходилось обживать новые места, каждый раз обустраивая жилище. Супруги исколесили Ленинградскую область, жили в разных городах и местах. Одной из последнихстроек, где работал Георгий, был так называемый «Второй Кронштадт» на берегу Финского залива.

В сентябре 1937 года в семье Хейнонен появился первенец – девочка Валентина, а спустя несколько лет у Марии и Георгия родился сыночек Алик. Большое семейство надеялось переехать в новую квартиру, но счастью помешала война, Георгия призвали в армию как специалиста-строителя, только уже не строить, а взрывать то, что он построил.

Мария с младенцем и дочерью, которой ещё не исполнилось 5 лет, вернулась в родную деревню, надеялась пережить лихолетье среди родных, недалеко от места службы мужа. Но вскоре немцы заняли Ленинградскую область. Началась блокада Ленинграда, связь с мужем прервалась. Началась долгая жизнь в оккупации. А потом всех жителей Ингерманландии, говоривших по-фински, то есть, финнов и ижор, немцы выгнали из родных мест и отправили в Эстонию. Выселения не избежали и Мария с детьми. Как и многие другие, они находились некоторое время в печально известном лагере в Клоога. Оттуда Марию с детьми по морю перевезли в порт Ханко на территории Финляндии, затем в карантинный лагерь города Раума. Маленький Алик заболел скарлатиной, местные врачи забрали его у Марии и пытались лечить, но истощённый, ослабленный малыш умер в финской больнице. Мария – верующая женщина, для неё, православной христианки, было очень важно, чтобы над её маленьким сыном совершили обряд отпевания. Ей как-то удалось убедить лютеранского священника по-христиански проводить её сыночка. Алика Хейнонена похоронили в городе Лохья на старинном лютеранском кладбище. Спустя много лет в местной финской газете напишут об ингер-

манландских детях, нашедших последний покой в этом месте в годы войны.

Из города Раума убитую горем и неизвестностью Марию с маленькой дочкой отправили в город Канкаанпяя, где она работала в крестьянском хозяйстве. Работала и могла прокормить себя и дочь, но не в силах была заработать, чтобы прокормить пожилых родителей, поэтому родителей Марии отправили в финский дом престарелых в другое место, там они получали самое необходимое. Пока мама работала, Валя начала учиться в финской школе вместе с финскими детьми. Ингерманландская девочка не испытывала трудностей с языком и быстро подружилась со всеми (мне показалось, что Валентина Георгиевна с большой теплотой вспоминает этот небольшой период своей жизни).

Как и большинство российских финнов, переживших вражескую оккупацию и жизнь на чужбине, победу над фашистами ждали с нетерпением. Мария надеялась, что её Георгий жив и, что жизнь наладится сразу, как только они с дочкой смогут вернуться в Россию.

Ингерманландские финны, находившиеся в это время в Финляндии, выселенные из родных мест, чудом уцелевшие после сталинских репрессий 1937-38 годов, понимали сложность своего положения. Многие готовы были остаться в побеждённой, но независимой Финляндии. С окончанием войны многие ингерманландские финны, лишённые Советской властью крова, земли, имущества, потерявшие родных и близких, расстрелянных в сталинских застенках и замученных в ГУЛАГе, решались оставить приютившим их финским семьям самое дорогое – своих детей, чтобы сохранить детям жизнь и БУДУЩЕЕ, но разлучиться с родными соглашались немногие.

По требованию правительства СССР в 1944 году советских граждан, находившихся на территории Финляндии, вернули в СССР. Но возвращение на родину оказалось неполным, потому что после пересечения финской границы, в Выборге, переселен-

цев распределили по эшелонам и увезли подальше от родных мест Ленинградской области. Родителей Марии отправили в Ярославскую область, а Мария с дочкой оказалась в Калининской области. Снова голод, разлука с родными, послевоенная разруха в городе Выползово, непомерно тяжёлый труд на лесозаготовках, болезни, травмы. Перенести всё это ей помогла огромная сила духа, давшая физические силы для нечеловеческого труда.

День Победы 1945 года был для Марии радостным и горьким одновременно, потому что в этот день она узнала о гибели своего Георгия, который погиб ещё в самом начале войны... Кто знает, может быть, что именно каторжный труд и единственная дочь не дали Марии сломаться после этого известия?

А Валечка, которая в Финляндии начала ходить в школу, не могла учиться в родной стране – не в чем было ходить в школу: чужие валенки были размером с ребёнка. Старательная малышка вынуждена была заниматься хозяйством, потому что мама всегда была на работе. Вале приходилось пилить дрова, топить печь, убираться в доме и варить для себя и мамы картошку, которая была почти что единственной едой в ту пору. Когда появилась возможность учиться в школе и заниматься с одноклассником по единственному учебнику на несколько человек, маленькая, но гордая девочка не стала ходить в семью, где ей предложили немного еды, потому что понимала, что люди отрывают кусочек от своих детей для чужого ребёнка.

В 1947 году Марию разыскал и вызвал в Ленинградскую область земляк, ижор из деревни Косколово – Алексей Тихонов. Этот удивительный человек собирал по всей России своих оставшихся в живых колхозников, чтобы организовать новый рыболовецкий колхоз на бывшей финской территории в Ино (ныне Приветнинское). Позже колхоз переместили в Смолячково. Сюда приехали и родные Марии. Рыбная ловля в колхозе была круглогодичной; мужчины и женщины летом на лодках, а зимой по льду

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА

добывали рыбу. Голыми руками расставляли и вытаскивали сети. На льду устанавливали палатки, куда складывали улов, а затем на санках по торосам свозили его на берег. Часто образовывались промоины и льдины отрывались. Несмотря на то, что труд рыбаков всегда был тяжёлым и опасным, все земляки были благодарны своему председателю за то, что вернул их хоть и не в родные места, но берега родного Финского залива. Жизнь стала налаживаться.

Позже Мария работала в ДЭУ (дорожно-эксплуатационный участок), и получила от работы комнату. Дочь Валентина окончила школу, институт, стала учительницей начальных классов. Когда у Валентины родилась дочь Ольга, заботу о ней взяла на себя бабушка Мария, потому

что Валя училась на заочном отделении института им. Герцена. Окончив его, стала работать учительницей географии в школе № 445 города Зеленогорска.

Внучка Марии Антоновны Ольга пошла по стопам матери Валентины Георгиевны и стала преподавателем английского языка, преподаёт в том же лицее № 445, где училась сама и преподавала её мама.

Ещё у Марии есть правнучка Елена, закончившая школу с золотой медалью, студентка Академии им. Лесгафта, в будущем тренер по фигурному катанию.

Валентина Георгиевна состоит в обществе малолетних узников концлагерей и часто выступает перед школьниками, рассказывает о своём искалеченном детстве и о своей маме, сумевшей сохранить жизнь дочери несмотря ни на что.

Валентина и Ольга члены «Инкерин Лиитто». Валентина принимает активное участие в выступлениях национальных финских песенных коллективов. Валентину Георгиевну Толстопятову хорошо знают в «Инкерин Лиитто», её уважают за доброту, великодушие, талант и бесконечный оптимизм.

Валентина посвятила свою жизнь семье. Уже многие годы она заботится о своей любимой мамочке Марии Антоновне Хейнонен, которая является для всех нас примером трудолюбия, терпения, умения не унывать в трудных обстоятельствах и любви к людям.

От себя и членов «Инкерин Лиитто» низкий поклон этим стойким женщинам, здоровья и долгих лет жизни.

Катерина Зайка

Валентина Толстопятова
в национальном костюме

IN MEMORIAM

Будет ли в Гатчине Ингерманландский проспект?

Общественная организация «Инкерин Лиитто» обратилась к руководителям Гатчины с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении одному из проспектов или улиц в новостройках города названия Ингерманландский или Ингерманландская.

Как отмечено в открытом письме, подписанным председателем общественной организации «Гатчинское общество ингерманландских финнов «Инкери Сеура» Владимиром Яковлевым, цель обращения – сохранение истории Ингерманландии и ингерманландского финнов, в частности, в городе Гатчине, как одном из центров Ингерманландии.

«На наш взгляд, присвоение одной из улиц Гатчины – неофициальной столицы Ингерманландии – названия «Ингерманландской» явилось бы шагом в верном направлении в вопросе подлинной реабилитации российских финнов-ингерманландцев, в сохранении памяти о них для будущих поколений», - говорится в документе.

Авторы письма также считают возможным переименование в Ингерманландскую улицы Диагональной в новом квартале Аэродром, поскольку это название не несет никакой информации.

Открытое письмо подготовлено Гатчинской общественной организацией ингерманландских финнов «Инкери Сеура» по поручению 27 Съезда общественной организации «Инкерин Лиитто» (Ингерманландский союз) прошедшего 21 марта 2015 г. в Санкт-Петербурге.

В документе приводится развернутая историческая справка, рассказывающая об истории Ингерманландии и её коренных жителей. В ней рассказывается о возникновении топонима «Ингерманландия», формировании этноса ингерманландских финнов, зарождении евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Приведены и краткие сведения об ингерманландских финнах, уроженцах Гатчинского района, получивших известность в России и за рубежом — партизанском командире Великой Отечественной Александре Ингинене, финляндской поэтессе и драматурге Аале Марии Тюнни, заслуженном строителе России, почетном академике РАН Валентине Маннинене, главе республики Карелия Александре Худилайнене.

Андрей Пюккенен

Nikolai Solohinin muistoksi

27. kesäkuuta 2015 kuoli kirjenvaihtaja ja kirjailija Nikolai Solohin. Joulukuussa hän olisi täyttänyt 85 vuotta... Noin 30 vuotta hän on toiminut Seuloskoissa lehdistä Nevskaja zarja (Nevan koitto) ja Vsevolozhskie vesti (Seuloskoin viesti). Nikolai Solohin oli Leningradin alueen Kirjailijaliiton osaston perustajia, monta vuotta hän on johtanut Ladoga (Laatokka) -kirjailijakuntaa. Inkerinsuomalaisten muistiin hän jää yhtenä Seuloskoi-kotiseutukirjan tekijöistä. Kirja on julkaistu vuonna 1975. Kirjaa luotaessa tekijät ovat käyttäneet paikallisen kotiseutututkijan Gerhard Vokan arkistoa. Silloin monien vuosien unohtuksen jälkeen oli vaikuttavaa lukea Rääpyvän, Toksovan ja Kelton suomalaisten seurakuntien kylistä, nähdä tietoja muinaisista Seuloskoin lähiympäristössä olevista *Pontuksen silloista* (kirjan tekstissä nimi olikin ladottu latinalla, mikä siihen aikaan oli ennekuulumatonta vapautta!). On epäselvää nytkin, miten silloin kirja meni neuvostosen suurista läpi!

Kun kuolee niin mahtava ihminen, pitää pysähtyä, katsoa taakse. Muistella se, mistä olet henkilökohtaisesti kiitollinen hänelle. Nikolai Solohin oli opettajanani, ensimmäisenä mentorina kirjeenvaihtajan toiminnassa, hän kirjoitti arvostelun ensimmäisestä kirjastani Toksovan matkaopas 1998. Vuonna

1997 hän lämpimästi kannusti ideani, jonka mukaan Vsevolozhskije vesti -lehdessä julkaistiin erikoisliite Seuloskoin seutu, jossa kirjoitettiin inkerinsuomalaisten elämästä.

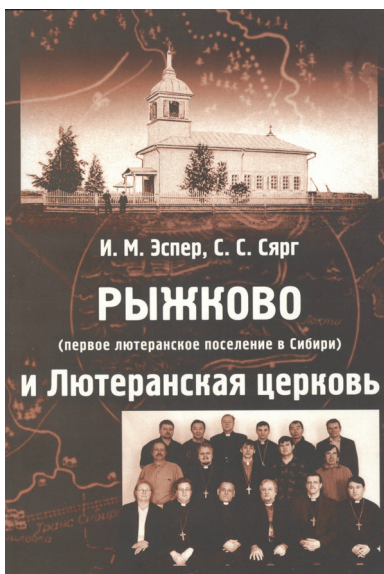
Nikolai Dmitrievitš Solohinin elämä oli mielenkiintoista ja haastavaa. Leningradin yliopiston filologisen tiedekunnan opiskelijana hän yhdessä kurssitovereidensa kanssa on protestoinut Neuvostoliiton osallistumista vastaan vuoden 1956 Unkarin tapahtumiin. Tuloksena oli oikeudenkäynti, vankila, kielto toimia ”suurella” sanomalehtialalla. Seulaskoin kaupunki ja sen pieni lehti olivat oman laadun karkotuksena epäsuosioon joutuneelle kirjailijalle. Mutta siitä ne ovat vain hyötynet!

Suremme tätä menettämistä. Hyvää ystävää ja opettajaa ikävöiden.

Antti Syrov,
Inkeri-kustannustalon johtaja

КНИГА ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ФИННОВ

И. М. Эспер, С. С. Сярг. Рыжково и лютеранская церковь. Гйоль, 2014. 390 с.

Перед нами – первая большая публикация о финнах Сибири на русском языке.

Книга посвящена истории старых финских (ингерманландских) поселений в Сибири. Оба автора – родом из с. Рыжково (Омская область); вероятно, поначалу предметом их интереса было главным образом само с. Рыжково, но в ходе дальнейшей работы авторы коснулись истории других финских поселений Сибири, исторически связанных с селом Рыжково (ближайшие из них составляли один лютеранский приход).

Книга написана в форме монографии (исследования). По своему жанру эту книгу можно определить как «исследование в жанре «народной истории» и «публикация источников». Сделано это исследование вполне академически – как по объёму привлечённых источников, так и по охвату темы. Выходу монографии предшествовал ряд статей Сальме Сярг, посвящённых селу Рыжково. Авторы использовали, вероятно, практически все существующие к нашему времени финские и эстонские публикации о «сибирских ингерманландцах», так и архивные источники (в том числе и вновь открытые). Стиль изложения – доступный, вполне беллетристичный, и вместе с тем – достаточно строгий, насыщенный конкретикой, информативный («ни одного лишнего слова»). Структура книги довольно проста: село Рыжково от основания (1804) до наших дней; Рыжковский лютеранский

приход в XVIII – начале XX в.; деятельность лютеранской церкви в Сибири в настоящее время; история отдельных семей и жителей Рыжкова. Заключительная часть книги – документальные материалы.

Рыжково, основанное, по видимому, в 1804 г., было первым финским поселением в Западной Сибири; другие финские поселения региона (Боярка, Бугене) исторически связаны с Рыжковым (с. 147, 165 – 168). То же относится и к «Омь-колонии» (д.д. Гельсингфорс, Нарва, Ивановка, Ревель, Рига и др.), история которой освещена авторами не так подробно (с. 145 – 165). Из Рыжкова происходили также жители финской колонии Верхний Суэдук в Минусинском округе Восточной Сибири (с. 173 – 186).

Связь финского населения Сибири с Западной Ингерманландией уже давно известна и исследована – тем не менее, эта часть истории российских финнов до сих пор не была изложена подробно. Книга И. Эспера и С. Сярг восполняет этот пробел. В книге приведены обстоятельства конфликта в Итовской мызе (1802 год), последовавшего судебного разбирательства (1803), результатом которого стало переселение в Сибирь 150 человек крестьян Ямбургского уезда (1804).

Важнейшим обстоятельством является то, что переселённые в Сибирь крестьяне были лютеранами. Именно лютеранская

церковь стала основой сложившегося в Сибири этнического коллектива населения «колоний», состоявшего из финнов, эстонцев, латышей и немцев. Значительную часть книги занимает история Рыжковского и Верхне-Суэдукского приходов.

В книге подробно рассмотрены вопросы межэтнических отношений лютеран – финнов, эстонцев и латышей – живших вперемешку в Рыжково и других лютеранских колониях, и в значительной мере смешавшихся между собой. Обстоятельно освещена история имён и фамилий жителей с. Рыжково. Значительная часть книги посвящена описанию крестьянского хозяйства, построек и быта жителей с. Рыжково (с. 57 – 75). В основу этого описания легли личные воспоминания И. Эспера и других жителей Рыжкова.

В своей работе авторы книги опирались также на записи пастора Гранё (переводы записок Гранё на русский язык были выполнены специально для данного издания и сами по себе имеют большую ценность). Авторы монографии осветили вопрос этнического самосознания «сибирских финнов» (с. 349 – 364), в т. ч. «превращение» сибирских финнов в эстонцев (с. 18).

Добавляет ценности книге то обстоятельство, что её авторы пишут о дорогих сердцу и знакомых с детства вещах; интерес авторов к своему предмету искренний и неподдельный, их увлечённость создаёт ощущение

погружения в утраченный мир финских деревень Сибири. Ощутимо стремление авторов назвать всех поименно. Стремление авторов к точности в передаче подробностей вызывает восхищение. Книга хорошо иллюстрирована.

Из слабых мест отметим некоторую условность представлений авторов о финнах вообще и об ингерманландских финнах в частности (с. 7, 13, 17 и др.). В структуре книги встречаются недоработки – повторы (с. 10-11, 13, 123), ошибки в написании фамилий (с. 14, 215, 258 и др.). Книга перегружена информацией, не относящейся к Рыжкову и «сибирским финнам»: земельные конфликты в Итовском обществе Ямбургского уезда в 1848 и 1887 годах (с. 13-16), главы «новый приток финнов в Сибирь в 30-х – 40-х гг.» (с. 244 – 246), «новая финская миссия» в Москве и на Урале (с. 253 – 270), списки жителей д. Арсия (с. 365 – 381) и др. Не освещены (оставлены неясными) некоторые последствия Итовского конфликта, как-то участие в составе переселенцев 1804 года православных ижор, добровольность переселения (есть версия, что итовские крестьяне сами просили переселить их в Сибирь, чтобы таким образом выйти из крепостной зависимости). Впрочем, упущения и недоработки несколько не умаляют достоинств книги.

Подготовка книги к изданию заняла около 3 лет. В этой работе участвовали многие замечательные люди, оставшиеся «за кадром»: **Владимир Мингалев** (глава «Пундани в России»), **Элеонора Панкратова** (перевод фрагментов записок пастора Гранё – они написаны по-шведски), **Елена Петрова** (редактор издательства Гйоль), **Михаил Браудзе** (поиск и предпечатная подготовка фотографий). Поблагодарим подвижников!

Книгу можно заказать на сайте www.inkeri.ru, см. «Книги издательства Гйоль».

Приобретение книги также по тел. (812) 412-84-02.

А. Крюков

OREST KIPRENSKI OLI INKERINSUOMALAINEN

Orest Kiprenski (Орест Адамович Кипренский) on kuuluisa taidemaalari, muotokuvan mestari, Pietarin Taideakatemiaan akateemikko. Hän oli syntynyt vuonna 1782 Länsi-Inkerissä, Niesnovan hovissa. Hänen vanhempansa, Adam Kaarlonpoika Schwalbe ja Anna Gabrielintytär, olivat maaorjia. Orest oli syntynyt aviottomana, koska vanhempansa vihittiin vasta seuraavana vuonna lapsen syntymän jälkeen. Sukunimen Kiprenski hän on saanut vasta asuessaan Pietarissa. Maaherran tahdosta koko perhe, myös myöhemmin syntyneet lapset, vapautuivat maaorjuudesta.

TOTTA JA TARUA

Kiprenskin elämäkerroissa tosi ja taru ovat monesti sekoittuneet. Esimerkiksi tieto siitä, että Kiprenskin todellinen isä olisi ollut maaherra Djakonov, ovat perusteettomia. Ne lienevät Kiprenskin biografin tulkintaa. Kiprenskin syntymästä ei ole jäänyt virallista tietoa, löytyy vain näyttö hänen vanhempiansa vihkimisestä. Orest-nimi tunnetaan sekä kreikkalaiskatolisilla että roomalaiskatolisilla, mutta ristimänimi Orest ei Inkerissä ollut käytössä. Voidaankin syystä olettaa, että sekä etu- että sukunimen tuleva kuvataiteilija sai hänen oleskellessaan Pietarissa.

KIPRENSKIN SYNTYPERÄSTÄ

Kiprenskin vanhempien kansallisuudesta ei ole mainintoja, silti moni taustatieto viittaa siihen, että he olivat suomalaisia. Isän nimestä päätellen hän ei ollut ortodoksi. Toisaalta hänen kotiseudullaan ei asunut muita kuin ortodokseja ja luterilaisia. Maaorjina Inkerissä ei ollut muita luterilaisia kuin inkerinsuomalaiset. On myös todettava,

että inkerinsuomalaisilla tunnetaan useita saksalaisia sukunimiä, kuten Schultz, Schütz, Schwarz jne. Niiden alkuperä on voinut vaihdella: saatu Ruotsin vallan aikana saksalaisilta maahanmuuttajilta tai annettu saksalaisten maaherrojen toimesta. Lisäksi paikkakunnalla on myös kerrottu Kiprenskin suomalaisesta alkuperästä.

Erään kertoman mukaan Kiprenskin sukulaisia asui monessa sukupolvessa Soikkolan Järvenperällä lähellä Niesnovaa vielä 1900-luvulla. Heidän sukunimensä Wahle (puh. *Vaale*) muistuttaa nimen Schwalbe, josta mahdollisesti johtaakin sen alkuperä. Toisen tarinan mukaan, aviottomaksi syntynyt Kiprenski oli ensin ollut äitinsä sukunimellä Kippari, joka olikin myöhemmin muutettu Kiprenskiksi. Tämänkin tarinan juuret johtavat Järvenperään, jossa Kippari-nimisiä asui 1800- ja 1900-luvuilla. Voidaan vielä todeta, että Kiprenskin mahdollinen syntymäpaikka Niesnova ei ollut kylä, vaan maaherran hovi. Maaorjat asuivat etupäässä kylissä. Mistä kylästä Kiprenskin vanhemmat olivat kotoisin, ei ole missään mainittu, niinpä Niesnovan hovi voi tarkoittaa koko hoviin kuuluvaa aluetta. Ainakin esitettyjen tietojen perusteella voidaan päätellä Orest Kiprenskin olevan kotoisin Soikkolan Järvenperästä.

SUKULAISIA

Orest Kiprenskilla oli sisko ja veli, Anna ja Aleksander Schwalbe. Sisko Anna oli elossa, kun Orest kuoli 1836. Annan kirjeestä Taideakatemiaan ilmenee, että hyvätuoloisena Orest avusti omaisiaan. Samasta kirjeestä selviää, että hänen veljensä Aleksander Schwalbe oli myös asunut Pietarissa, opiskellut arkkitehtuuria, valmistunut Taideakatemiasta vuonna 1811 ja siirtynyt sotapalvelukseen 1813. Siihen mennessä veljet asuivat Pietarissa samassa osoitteessa. Annan myöhemmästä kohtalosta ei ole varmoina tietoja.

OPISKELUAIKA

Orest pääsi opiskelemaan Taideakatemiaan jo kuusivuotiaana vuonna 1788. Mistään ei selviä pikku pojan osoittaneen varhaiskypsää lahjakkuuttaan. Tiedetään kuitenkin, että silloisessa Taideakatemiassa oli valmistavia luokkia. Kiprenski oli opiskellut Taide-

akatemiassa 15 vuotta valmistuen vuonna 1803 historiallisen maalauksen linjalta. Lahjakas hän oli, koska jo opiskelijamaalauksensa palkittiin hopea- ja kultamitaleilla. Ansoistaan Kiprenski sai jatko-opintomahdollisuuden. Sen vaiheen tunnetuimpia Kiprenskin maalauksia ovat Isän muotokuva (1804) ja Ruhtinas Dmitrin voitto Mamaista (1805), joista Taideakatemiaan johtokunta palkitsi hänet kultamitalilla.

Asuessaan Pietarissa Kiprenski piti yhteyttä sukulaisiinsa viettäen lomiam kotiseudullaan omaistensa keskuudessa. Asuessaan Moskovassa vuosina 1809—1811 hän avusti kuvanveistäjä Martosia tämän luodessaan kuuluisaksi tullutta Minin ja Požarski -muistopatsasta. Näinäkin vuosina Kiprenski maalasi ahkerasti. Tunnetuimpia tältä ajalta ovat husaari Eugraf Davidovin ja ruhtinas Gagarinin muotokuvat. Palattuaan Pietariin 1812 Kiprenski esitti useita teoksiaan Taideakatemiaan järjestämässä jorkavuotisessa näyttelyssä. Samana vuonna hänet valittiin akateemikoksi.

EUROOPASSA

Kiprenski lähti 1816 vuosia kestäneelle matkalle Eurooppaan. Lyhyellä Geneven jaksollaan häneltä valmistuivat mm. Duvalin, ja Dumontin muotokuvat. Samana vuonna hän jatkoi Roomaan, johon asettui vuoteen 1822 asti, missä osallistui taidenäyttelyihin ensisijaisesti muotokuvillaan. Hänen maalaamansa Nuori puutarhuri on parhaillaan esillä Eremitaasissa. Kiprenskin omakuva vuodelta 1820 on nykyäänkin Firenzen Uffizi-galleriassa. Roomasta Kiprenski jatkoi Pariisiin, jossa osallistui uusine maalauksineen Louvren Salongin näyttelyyn. Ranskaa seurasi Saksa, jossa Kiprenski tapasi Marienbadissa Goethen ja teki hänen lyijykynämuotokuvansa. Dresdenissa Kiprenski maalasi kollegansa taidemaalari Fogelsteinin muotokuvan. Samana vuonna Kiprenski palasi Pietariin. Hänen Euroopan-matkan kesti kuusi vuotta. Pietarissa hän maalasi lukuisia muotokuvia, mm. klassiseksi tulleen runoilija Aleksandr Puškinin muotokuvan.

Kiprenski palasi Italiaan vuonna 1828. Hän asui välillä Napolissa, Firenzessä ja Roomassa maalatun ahkerasti ja osallistuen taidenäyt-

telyihin. Italiasta Kiprenski lähetti useita maalauksiaan Venäjälle, joita hankittiin myös Eremitaasiin. Orest Kiprenski kuoli Roomassa vuonna 1836, mihin hänet on myös haudattu.

KIPRENSKIN ASEMA VENÄJÄN JA MAAILMAN KUVATAITEESSA

Orest Kiprenski oli ensimmäinen Venäjän taidemaalari, joka tuli tunnetuksi Euroopassa. Nykyäänkin hän on tunnustettu muotokuvan mestari. Kiprenskin jäämistöllä on ollut onnellinen kohtalo. Kaikki hänen tunnetut maalauksensa ovat säilyneet jälkipolville. Niitä on Venäjän Taidemuseossa Pietarissa, Tretjakovin Galleriassa Moskovassa ja muissakin Venäjän ja maailman taidemuseoissa. Häneltä tunnetaan olevan noin 180 maalausta, joista eniten muotokuvia. Kiprenski ikuisti maalauksissaan Goethen ja Mickiewiczin, useita Venäjän kirjallisuuden merkkihenkilöitä, kuten Žukovskin, Batjuškovin, Krylovin, Rylejevin, Gneditšin, Puškinin, Venäjän keisarit Aleksanteri I:n ja Nikolai I:n, kenraaleja ja viranomaisia, sekä lukuisia tunnettuja ja tuntemattomia taitelijan aikalaisia. Hänen ansiostaan meillä on kuva 200 vuotta sitten eläneistä ihmisistä, koska hänen muotokuvissaan eläaikansa henki.

Kiprenskilta on jäänyt myös laaja kirjeenvaihto. Hänen kirjeensä vuosilta 1816—1835 olivat osoitettu monille aikansa kulttuurityön tekijöille, viranomaisille ja Venäjän keisarille. Näistä kirjeistä ilmenevät taidemaalarin ihmissuhteet ja ajatukset. Samalla ne osoittavat monien häneen liittyvien juurujen paikkansapitämättömyyden.

Kirj. A. Krjukov

Katso Kiprenskin kuvia:

<http://gallerix.ru/album/Kiprensky>

KESÄLLÄ SOTA ALKOI

Kirjoitti Aino Tatti, kotoisin Rääpyvän Miinalasta

22 kesäkuuta 1941, sunnuntai.

Olin wc ”pienellä asialla” kun alkoi kuulua hätäinen koputus ”tule pois, sota on alkanut”.

Ympärilläni oli hiljainen joukko ihmisiä, jotka eivät olleet ehtineet lähteä ulos viettämään lepopäivää.

Olinhan minäkin hiljainen. Ajattelin eihän pommitusta kestä kuin 2-3 päivää. Sitten on kaikki elämä loppunut. Sellaisen käsityksen olin saanut oppitunneilta yliopistolla (meitä opetettiin apua antamaan sodassa).

Elämä kuitenkin jatkui. Me nuoret lähdimme kylään viettämään lomaa...

Hiljainen oli kotikatamme, vaikka se oli mukulakivinen.

Huoneen ikkuna oli auki ja me kolmestaan (meitä lapsia äidillä oli 3) seurattiin taivaalle nousevia ilmalaiva-esteitä, kuka enemmän niitä näki. Ne olivat eri korkeudella. Sen jälkeen lensivät isänmaalliset koneet esteiden yllä. Hetken hiljaisuuden jälkeen alkoivat sireenit ulvoa ja heti ulsivat vihollisen koneet. Niiden ääni tuli tutuksi. Pommeja alkoi pudota tiheään. Räjähdyksiä siellä täällä. Olimme keskellä pommikohteita: Moskovan aseman ja sähkö-aseman välissä.

Väestöä kehoitettiin mennä pommisuojaan, me laskeutuimme kellariin (se oli meidän suoja neljännessä kerroksesta kellariin). Oli tullut tavaksi ottaa jotakin mukaan, jos jäämmekin loukkuun. Mitäpä ottaisim? Ajan kuluttua huomasin, että pussissa oli kesäkenkiä. Pommituksen ajan olimme kellarissa, tarkkailin miten ihminen eri tavalla hätäytyi.

Kerran luonamme oli tati. Alkoi yhtäaikaa syreeni ulvoa sekä julmat koneet hyrrätä. Samaan aikaan räjähti oikein lähellä iso pommi. Me ei ehditty kuin keittiöön. Kauhua

ja pelkoa lisäsi röminä kaatuneesta rautasänkyistä, joka oli käytävässä seinää vasten. Seisoin ovi aukossa ja odottelin koska talo hajoaa. Mutta mitään ei hajonnutkaan. Tati huutaa ja juoksee ympäri pimeää eteistä eikä millään löydä ulko-ovea. Muistan, että minä nauroin.

Se taisi olla viimeinen nauruni, sillä muistan että seuraava nauru yllätti vasta 2 vuoden kuluttua.

Kaunis kesä jatkui, jatkui sota ja ihme... jatkui elämä. Lähestyi syksy. Opinnot alkoivat, mutta pian liikenne loppui. Jatkoimme opintoja, mutta ilmahyökkäykset lakkauttivat mahdollisuudet totuttuun elämään. Evakuointi oli alkanut. Ensin lapset lähtivät hoitajien kanssa. Äidit saatelivat... voi sitä itkua ja lasten hätää...

Ruoka oli vain korteilla ja annokset oikein pian vähenivät. Sähkö oli pois jo pitkän ajan. Poltettiin tuikkuja, mutta kohta ei ollut mitään poltto-ainetta. Loppui vesi, lähenei talvi. Pommituksiin lisäntyi julmat ammunnat. Paloivat suuret ruoka varastot. Savu oli kitkerä ja makean tuntuinen. Siellä paloivat sokeri, jauhot... leipä-annokset 125 g olivat tikkuisia. Vertavuotaviin ikeniin sattui kovasti. Kaikilla oli c-vitamiini puute.

Talvi oli kylmä... Vettä ruvettiin hakemaan Nevasta. Koottiin lasipurkkeja, kattiloita. Sidottiin ne kelkkaan. Bakunin niminen katu oli reitti Nevalle. Se oli jäinen. Ihmishaamuja liikkui vesi astiat puoliltaan kotin suuntaan ja toiset Nevalle päin. Näin usein haamun kaatuvan ja saavuttuani kaatuneen luo, se olikin jo kuollut. Ja kuolleita ja kuolevia oli joka päivä enemmän.

Miten äijä (se on ukille annettu lempinimi) tuli meille, sitä en muista. Muistan vain sen että äijä piti viedä sedän luo. Matka tehtiin junalla. Oli hirmu pakkanen. Mutta sieltä meidät käännettiin takaisin. Sedän perheellä ei oltu vielä kärsitty nälkää. Ruokaa tarjottiin ennen pois lähtöä.

Äijä söi, mutta minä, vaikka olinkin nälkäinen, kieltäydyin. Olin kovin loukkaantunut heidän rumista sanoista. Ja niin setä lähti meitä hevosella viemään asemalle. Muistan hänen kyyneleiset silmänsä. Hän kärsi, mutta perhe siis vaimon vanhemmat ovat kovaa väkeä. Ja niin me palattiin L-diin.

Asemalta piti mennä jalkisin, ja se oli pitkä, pitkä matka. Äijä oli lämpimästi puettu: isot huopa-tossut ja kalossit niiden päällä, painava takki.

Asemalta jokainen lähti kiireesti koteihinsa. Kellä oli voimaa se jätti heikot jälkeensä. Ja niin me äijän kanssa jäimme yksin. Oli pimeätä. Meidän piti ylittää silta Nevan yli. Sillalla kävi viima ja olin nälkäinen.

Yhtäkkiä kuulin avun pyynnön: auttakaa, älkää jättäkö minua. Se tuli ehkä kuolemaa tekevältä ihmiseltä, joka oli vajonnut lumeen. Montako ihmistä olikaan mennyt hänen ohi? Ei riittänyt minullakaan voimia auttaa hänet ylös. Lohdutettiin ja luvattiin, että jospa sattuisimme tavoittamaan vahvemman auttajan, niin pyydämme hänet apuun. Mutta ei ristin sielua tavattu.

Äijä sanoi, rukoilkaamme itsemme ja hänen puolesta. Luulin ettemme pääse elävinä kotiin. Äijä ei jaksanut, vaikka koitin häntä tukea. Sitten äijä muisti, että tässä lähellä asuu hänen sukulainen, Mari, menään sinne, jospa olisivat vielä täällä, eikä evakossa. Ja niin me pimeässä kompuroitiin heidän ovelle. Ja ovi avautui... me olimme pelastettu. Oli kylmä ja nälkä, mutta katto pään päällä. Myöhemmin seuravana päivänä päivänä pääsimme kotiin.

Äitille ei taitanut olla kovin suuri yllätys meidän palaminen (hän tunsikin ihmiset paremmin, kuin kukaan muu).

Aamulla Nevalle veten hakuun. Katu olikin kaatuneista vesi astioista kumpurallaan, kelkka usein kaatui ja vesi valui kadulle. Siitä nousikin jäävuoret, siinä tekivät kuperkeikkoja ihmiset sekä kelkat. Kellä oli voimaa se nousi ja jatkoi matkaa jonnekin päin. Moni jäi ijäksi siihen.

Muistan, kerran saavuttuamme Nevan jäälle, avanto olikin jäässä, kenellekään ei ollut voimaa avata jäätyneen avanto. Seisoimme viimassa odotellen auttajaa. Ja ihme, joku todella jaksoi rikkoo jään. Jokainen ammensi siitä pienestä reiästä kupilla. Sekään ei täyttynyt, niin pieni oli avanto. Kärsivällisyyttä riitti. Koskaan en muista kuulleen riitoja. Ja sitten varovasti jäältä nousu rannalle, se oli todella tuskallista.

Usein kelkka kaatui ja siinä meni vesi sekä purkit. Itkeitiinkö? Oliko kyyneleitä lainkaan? En muista.

Sota vain jatkui ja jatkui.

Kerran tuli luokseni laiha ihmis hahmo, yllään hänellä oli kai kaikki

vaatteensa ja kädessä roikkui verkko pussi, missä oli lakkinen tuoppi. Hänen järkensä oli vioittunut, oli eksesissä. Sanoi olevansa ylioppilas. Voi ollakin. Miten auttaa? Mutta hän jatkoi matkaansa, eikä tarvinnut minun apua.

Leipä vaikka olikin palanen tikkuista leipää, alkoi loppua. Kylmässä jonotettiin kaupan aukeamista. Aina jaksettiin odottaa ja odottaa.

Nyt ei enään juostu pommi suojaan, vaikka ympärillä taukoamatta räjähteli ja jylisi. Nälän tunne oli ylimpänä. Joulukuun viimeisinä 4 päivänä leipää ei tuotukaan. Mutta me vain seisoimme vuorotellen yötpäivää jonossa. Moni moni ei palanutkaan jonoon, lineekö jo kuollut? Ne joulukuun viimeiset päivät kasvatti vai kuolleiden tilastoja (jos niistä lukua liene pidättykään). Mutta täytyy tunnustaa, että kyllä oli niissä oloissa huolto järjestetty hyvin.

Aitillä jatkui työ tehtaan palokunnassa päivystäjänä puhelimesta.

Me vietettiin aikamme sänkyssä monien peittojen alla, kaikki kolme, koitettiin säilyttää lämpö. Äijän peti oli kaapin takana. Hän ei jaksanut ehää nousta. Aina kun olin päässyt sänkyyn jo kuului äijän ääni:

— A. anna vettä. En entinyt vielä petiin takaisin kun taas kuului:

— A. anna potta. Ja niin ympäri vuorokauden. En muista, että olisin ollut hänelle kiukkuinen. Sitten tuli aika kun ei kuulunutkaan äijän kutsua. Oli hyvin hiljaista. Me ei nukuttu. Nousin ja kurkkasin kaapin taa. Äijä nukkui samassa asennoissa kuin ennenkin – polvet koukussa, silmät kiinni, rauhallinen olotila. Koetin otsaa. Se oli kylmä. Äijä oli kuollut hiljaa. Äitin tultua kotiin, pesimme äijämme, puettiin valkoisiin vaateisiin, käärittiin viltin ympärille. Äiti päätti, että haudataan äijä kotipitäjän hautausmaale. Sinne oli pitkä matka – 30 km.

Miten ihmeellisesti äiti järjesti asian, vaikka voimia ei ollut.

Hän päätti että saa apua sukulaisilta. Heillä on enemmän voimaa, kun vielä on perunoita säilössä. Mutta se matka kylään... En muista miksi minä en lähtenyt matkaan? Olinko jo niin heikko? Voi olla että äiti muisti sen viimeisen matkan ruuan haussa, silloin olimme vaihua Nevan jäälle kumpikin – äiti ja minä. Äiti ja siskoni lähtivät vettämään kahta kelkkaa, siinä lepäsi äijä. Hautajaisiin ottivat osaa äijän

toinen minja ja hänen topakat tytöt. Ne ei olleet vielä kovin laihtuneet. Tekivät arkun ja kaivoivat haudan. Kiitos heille. Sodan jälkeen emme löytäneet hautaa.

Ja sitten tulivat apuun toisen rintaman maat. Avattin elämän tie. 1942 vuosi alkoi paremmassa toivossa elämään. Laatokan jäätä pitkin evakuoitiin ihmisiä, (ehkä koneitakin) pois piirityksestä ja samat autot toivat ruoka tarpeita jääneille. Annokset olivat pienet (125 gr suklaata kuukaudeksi, 500 gr riisiä...), mutta todella ravitsevat. Myyjät usein varastivat. Kerran huomasin, että vaaka lautasen alla, siellä mihin laitettiin annos oli joku metallinen pyöreä lantti. Rupesin ihmeissäni tyrkkimään viereisiä jonottajia, mutta myyjä olikin valpas, se hävisikin sen tien.

Helmikuussa evakuoitiin loput suomalaiset kylistä. Sota tarvitsi lääketyön tekijöitä ja niin opinnot alkoivat.

Matkoja tehtiin jalkasin. Mentiin sitä puolta katua, mihin vähemmän osui pitkän matkan ohjukset. Silti moni meidänkin kurssilta sai osumia.

Yksikin tyttö sai ison haavan sirpaleesta ihan yliopiston ovella.

Jouduttiin usein päivystämään sairaalan ullakoilla (pelättiin palopommeja). Pakattiin instrumenttejä evakkoon ja hoidettiin pieniä lapsia kellari huoneissa. Heitä ei koskaan nostettu ylös. Samapa taisi olla missä ja miten heidät kuolema tavoitti.

Pommituksen ajan istuttiin ”piilossa”.

Talvella -42 tuli määräys valmistaa meistä välskäreitä sotaan.

Muistan, miten annettiin tutkin-toja vastaan professoreille. Prof. Friman (muistan nimen) istui käärittyinä paksuihin vaatteisiin, kasvot valkeat ja turvoksissa. Minä vastapäätä tutisin kylmästä ja ehkä jännityksestä.

Keväämmällä ammunta jatkui vimmatusti, mutta pommitukset harvenivat. Oli hätä ja huoli mahdollisista epidemioista. Ruumiita löytyi kaikkialta. Meidän talon luona oli poliklinikka. Joka ikinen aamu siellä oli edessä 4-7 ruumista keikkoihin käärittyinä.

Ja niin ori päätetty, että ylempi kurssi lähtee koti kutsuille, mikä merkitsi käydä kaikki asunnot läpi mikä piiri sinulle annettiin.

Alempi kurssi sijoitettiin ruokaloihin, jotka piti avata heti, kun saatiin paikat kuntoon. Onni oli minulle myöten. Minut määrättiin entiseen restauranttiin. Se oli Ligovkan ja Nekrasovin kadun kulmassa. Siellä oli hyvä henkilö kunta. Vanha pappa oli ylikokki. Kertoi,

mitä oli kokannut entisinä aikoina herroille. Minulle hän kerran laitto hänen mielestään herkullisen salaatin. Se olisi ollut todella hyvä, jos soijakastike olisi jäänyt pois. Soijamaito aina tuli pois oksennuksena – en voinut sitä syödä, vaikka olisin kuollut nälkään. Minun tehtävänä oli seurata vointia salissa ja annostella vatsa happoa sekä männyn helpeistä valmistettua juomaa (se auttoi c-vit. puutosta potevia, ja mehän kaikki kärsimme skorbuttia). Kotiin sain viedä kannullisen niin sanottua keittoa ja usein puolen litran purkil-lisen puuroa. Itse söin siellä. Voin vain kiittää niitä ihmisiä.

Kadut, kodit... kaikki puhdistettiin kuolleista. Jäiset kadut ihmeellisesti puhdistuvat. Oli järjestetty joukkoja, niitä syötettiin paremmin, he nukkui-vat yhdessä (ei tarvittu ajoneuvoja). On ihme miten osattiin asiat hyvin hoitaa. Maa sulii ja rikkaruohoa alkoi kasvaa. Nekin tutkittiin ja ”lebedasta” keitettiin mainio keitto.

...Kerron vielä talvesta. Aika – alku 1942.

Äidin serkku tuli kylästä meille (he sodan alettua muuttivat äitinsä luo. Siellä onnistuivat tulla kokkiksi ilmalaivakentän työntekijöille. Vatsa oli täynnä liiankin täynnä... mutta ei meillä). Kun helmikuussa alkoi Inkerin maan evakuointi, niin äidin serkku tuli kaupungin asunnosta noutamaan joitakin tavaroita. Niin minun piti lähteä apuun. Matkamme kulki Nevskiitä pitkin, sitten sirkuk-sen ohi Kesäpuistolle päin.

Matkalla näntiin... Paavalin lin-nasta (missä tsaari Pavel surmat-tiin) lastattiin avokuorma autoihin melkein alastomia ruumiita, vain miehiä. Niiden jalat ja kädet sojot-tivat eri suuntiin. Niitä ei oltu suor-istettu. Kukapa olisi sen jaksanut tehdä? Niitä sotilas sairaaloita oli paljonkin, niistä vaan ei tiedetty.

Alku talvesta alotettiin puhdistaa Leningrad vähäkansallisuuksista.

Jalmarin isän piti lähteä ja mi-nun piti mennä auttamaan. Menin heidän asunnolle Kalasnikkovin ran-takadulle. Siellä oli menossa rukous hetki. Vanhemmat ja Jalmarin isä olivat polvillaan ja ukki piti yhteisen rukouksen. Ja niin me kolmestaan lähdettiin Suomen asemalle, josta evakuoitiin elämän tietä pitkin alkoi. Hyvästelimme, ehkä itkimmekin...

Palu matkan Jalmarin kanssa teimme Nevan jäätä pitkin Ohta sillalle saakka. Siitä oli pieni mat-ka Jalmarin kotiin. Älysin kysyä: osaatko yksin kotiin? Sanoi osaa-vansa. Minä jatkoin matkaa useam-

man korttelin välin. Kyllä väsyin, todella väsyin.

Mieleeni johtui... Ukin petiä puhdistuksessa tyynyn alta löytyi pe-runna ja leipää. Ukki kuoli helmi-kuussa 82 vuotiaana.

Kevät 1942 oli lämmin ja nälän tunne pienempi. Mutta kun nälkä ei ollut ”ylitunne”, niin pelon tunne kasvoi. Pommitukset ja tauko-amaton ammunta eivät hellittäneet. Kuultiin vihollisen olevan kaupun-kin rajoilla. Ei hätää... Isoveli piti ”huolen” suomalaisista, virolaisista ja vähäkansallisuuksista, joihin ei saanut luottaa.

Taas mentiin läpi tietyt kirjat. Kesäkuun lopulla meille luovutetiin evakkopaperit Gorjkiin aluelle. Pestiin pyykki (ne ei ehtineet kui-vua loppuun saakka kun lähtöpäivä – se oli määrätty 27. 6. 42).

Oli lupa kaikille antaa 180 kiloa matkatavaraa ”pakaasiin” Mosko-van asemalle ja 30 kiloa sai ottaa mukaan junaan. Asiat hoidettiin voimien mukaan. Suomen asemalle saavuumme ja kuulumme viron kieltä puhuvaa. Minusta tuntui, että he oli-vat vanhoja – pariskunta. Nyt ajate-len että ehkä he ei olletkaan vanhoja. Saatiin matka-evääksi leipää. Ennen lähtöä annettiin ihanaa linssi puuroa, ja se oli todella hyvää. Päätettiin sitä keittää sodan jälkeenkin. Matka pii-rityksestä pois alkoi.

Laatokan rannalle saavuttiin, muistaakseni oikein, rauhallisesti, ”ihmisvaunuissa”.

Ranta oli – ihmis paljous... Siinä itkettiin, rukoiltiin (että onnelli-sesti saavuttiin rannalle)... Mutta... eri puolilta kuului kysymyksiä... annetaanko meille ruokaa, saam-meko ruokaa tuolla toisella rannal-la. Kukaan ei ollut huolissaan, että pääsemmekö elävinä toiselle ran-nalle, sillä tiesimme, että elämän tietä pommitettiin. Niissä pommi-tuksissa hukkui ihmisiä sekä ruo-ka autoja talvella, ja kesällä laivat, millaiset ne sitten olivatkaan, pie-net tai suuret.

Muistan oikein hyvin, muistan sen ison oikein kiltin ja kärsivällisen järjestys miehen. Jokaiselle se vasta-si rauhallisesti. Samalla vuoron pe-rään lastasi ”laivat”. Ensin lähtivät pienet lapset perheineen, sitten avu-tomat laihat. Ne piti auttaa laivaan. Meitä oli 4. Me ei oltu pieniä eikä kohta kuolevaisia – me lähdimme viimeisinä jo ilta hämärissä.

Kyllä me olimme siskon kanssa merikipeitä... Muistan, että olimme majoitetut kirkkoon. Se oli joskus kirkko – korkea kivinen.

Matka jatkui junalla Jaroslaa-viin ”härkävaunuissa”. Se matka oli ”tulinen”. Ympärillä räjähteli, ulisi, paukkui... Juna ei pelännyt, se ajoi hurjaa vauhtia eteenpäin. Se vauhti nostatti jotakin ”hurmaa”. En tunte-nut pelkoa. Saavuttiin Jaroslaviin. Jossain saimme ”pakasut”.

Nyt alkoi hiljainen matka Voi-kaa pitkin etelään päin. Oli kesä, oli hiljaisuus, oli linssi-puuro. Ohitet-tiin monet Volgan rannan kaupun-ki. Ohitettiin Kuibisev. Sinne oli evakuoitu hallitus.

Kertoivat, että päämäärä olisi Armavir (Kaukaasiassa). Ehdittiin melkein Stalingraadin saakka (sin-ne olisi ollut matkaa vain 120 km).

Ah, niitä viljavuoria siellä ran-nalla... Ne olivat taivaan kannen alla ilman mitään peittoa. Yksi vuori oli vehnää, toinen hirssiä (liekö sana oi-kea – se on suurmoja puuroa varten). Laiva oli koristeltu iloisilla lipuilla, kuului musiikkia – ei surullista.

Sitten tuli lopullinen pysähdys. Bjikovo – ”härkälä”. Aro, tasaista maastoa. Oltiin piirin keskustassa. Majoitus – koulu. Kärpäsiä – musta pilvi... Kuuma. Päivä aloitettiin 3-4 aamulla, silloin ei vielä ollut tukah-duttavan kuumaa. Silloin oli torikin avattu. En muista mitä olisi ollut tarjottavana, jotkin me syötiin, en muista. Evakko-ihmiset oli jo vie-ty kolhooseihin, isännät häkivät ne hevosilla. Viimein lähti se vanha pariskunta.

Äiti päätti, että me lähdetään Si-periaan, siellä ovat sukulaiset...

Olimmehan ehtineet saada se sähkösanoma (se murhetta tuoja). Matkaan tarvittiin lupa – propusk. Se piti anoa milisiilaitokselta.

Mairittelivat pomot, että jääkää vain tänne. Täällä on tarvis lääke-työn tekijöitä, ja meitä olikin kaksi – sisko ja minä.

Ei me osattu polttaa uunissa lannasta tehtyjä ”puita” eikä aro miellyttänyt. Niin alkoi 2- viikoi-nen käynti miliisi laitoksella. Aina tuli kielto. Muistan vieläkin äidin äänetön kysymys silmissä ja mi-nun piti sanoa – ei... Äiti väsyi ja halusi serkkunsa luo. Äiti neuvoi – ota jotakin lahjaa annettavaksi. Niin minä käärin silkki kaulahui-vin (tädin lahja syntymäpäivälleni). Menin luukulle, ojensin sen pienen käärön, katsottiin toisiamme sil-miin (onneksi se oli nuori tyttö), niin minulle annettiin 4 lupaa mat-kustaa Siperiin. Me ostettiin liput ja lähdettiin vapaaehtoisesti sinne, minne toisia vietiin pakolla.

Matka Siperiaan alkoi...

R.M. Gaben 140 vuoden syntymävuotisjuhlan muistoksi

Joulukuussa 2015 on 140-vuotisjuhla arkkitehti ja taitelija Ruvim Mihailovits Gaben (1875 – 1939) syntymästä. Hänet tunnetaan paitsi arkkitehtina myös kansanpuurakennustaiteen tutkijana. Hän oli vuonna 1902 valmistanut Pietarin siviili-insinöörikorkeakoulun arkkitehtuurilaitoksesta. Siitä alkaen hän oli praktiikka-arkkitehtina vuoteen 1916 asti tehnyt suunnittelutöitä ja havainnoinut asuin- ja julkisia rakennuksia Pietarissa ja Karjalassa. Vuonna 1908 R. M. Gabe kiinnostui kansanperinteellisestä rakennustaiteesta suorittuaan tässä yhteydessä vuosien 1908-1909 aikana täyden opintokurssin Muinaistieteen laitoksesta. Hänen tieteellisen tutkimustoimintansa teemaksi tuli kansanasumusperinne itämerensuomalaisilla kansoilla. Ennen vallankumousta hän teki tutkimusmatkojaan omasta aloitteestaan.

Vuosina 1920–1930 R.M. Gabe tutki kansanrakennusperinnettä Leningradin, Vologdan, Jarošlavlilin alueilla sekä Karjalassa. V.v. 1926–1930 hän työskenteli Venäläisen Museon Kansatieteellisen osaston (mainittu laitos on nykyään Venäjän kansatieteellinen museo) toimesta järjestetyn Luotei-

sen etnologisen tutkimusretkikunnan osanottajana Länsi-Inkerissä Leningradin alueen Kingissepin (Jaaman) piirissä tutkiessaan suomalaisväestön (inkerikkojen, vataljalaisten, inkerinsuomalaisten) rakennustaidetta. Hänen keräämänsä aineistoa on säilytyksessä Venäjän kansatieteellisen museon arkistossa muodossaen yli 100 piirroksen ja piirustuksen kokoelman, joista osa on esillä Venäjän kansatieteellisen museossa Pietarissa. Hänen töitään on säilytyksessä myös Valtiollisen historian museossa Moskovassa.

R. M. Gaben suurena aikaansaannoksena pidetään sitä, että hän oli yhtenä ensimmäisistä kiinnostunut siihen aikaan vähän tutkittuun osaan kansallista rakennustaideperinnettä, nimittäin kansallisiin asuin- ja talousrakennuksiin. R. M. Gaben kansallisarkkitehtuurin tutkimiseksi harjoittaman toiminnan ansiosta meillä on käytävissämme eräs ainutlaatuinen tietolähde Luoteis-Venäjän suomalais-ugrialaisten etnisten yhteisöjen perinteellisen ja tätä nykyään menneisyyteen häipymässä olevan kulttuurin yhden tärkeän yhdysosan tutkimista varten.

R. M. Gaben teoksensa:

- Tutkimusaineistoa Leningradin piirin länsisuomalaisten kansanrakennustaiteesta. Tiedeakatemia julkaisu. Leningrad, 1930. 200 sivua
- Karjalaista puurakennustaidetta. Tiedeakatemia julkaisu. Leningrad, 1941. 215 s.

Natalja Ivanovskaja,
hist. lisensiatti

Suomentanut **Dmitri Orehov**

Kuvassa: Pietarilainen arkkitehti R. M. Gabe, noin v.1914.

Ruvim (Rufin) Mihailovits Gabe oli syntynyt Pietarissa v. 1875. Samassa kaupungissa hän oli opiskellut ja sitten toiminut arkkitehtina ja eri korkeakoulujen opettajana. Todennäköisesti hän oli asunut Pietarissa myös vallankumouksen ja kansalaissodan aikana. Neuvosto-Venäjän kaudessa hän oli jälleen asunut Pietarissa, mutta ei enää toiminut arkkitehtina, vaan korkeakoulun opettajana. Hänen pedagoginen toiminta kesti noin 30 vuotta. Hän kuoli Leningradissa v.1939, luonnollisista syistä.

R. M. Gabe oli juutalaista syntyperää, ja vaikka hänen isänsä Mihail Jakovlevits Gabe oli Pietarin kunnia-asukas, oli pakko muuttua kristinuskoiseksi, luterilaiseksi – ja vieläkin muuttaa nimensä – Rufin Gabbe:ksi – ainakin jatko-opiskeluun mahdollisuuden takia.

Pietarissa ja yleensä Venäjällä R. M. Gabe tunnetaan ennen kaikkea arkkitehtina. Hänen suunnitel-

mien mukaan rekennettuja taloja voi nähdä Pietarissa nykyäänkin. Suomessa R. M. Gabe tunnetaan arkkitehtien ammattipiirissä ja ehkä sitä enemmän suomalaisheimojen kansankulttuurin tutkijoiden seurassa.

V. 1908 – 1915 R. M. Gabe osallistui Murmanskin radan suunnittelussa ja rakentamisessa. Tuossa vaiheessa hän kääntyi Pohjois-Venäjän kansojen perinteellisen rakennuskulttuurin tutkimuksiin. Hänen tutkimusaiheen kohteina olivat asuintalojen ja talousrakennuksien ulkonäkö, niiden rakenne, konstruktiiviset erikoisuudet ja niiden tarkoitus, rakennustavat, koristeet y.m. R. M. Gaben ansiot Inkerinmaan tutkimisen asiassa ovat arvaattomat.

Toimitus

Kuvassa: kivinen kartano
Pärspään kylässä.
R. M. Gaben akvarelli.

ONNEKSI OLKOON!

Viljo Ostonen
täytti 70 vuotta
s.17.06.1945

Gennadi Talonen
s. 18.01.1935 Tyrön Sahamylyssä
k. 6.04.2015 Helsingissä

Päätoimittaja Aleksanteri Kirjanen. Varapäätoimittajat Antti Pyykkönen, Aleksei Krjukov. Oikoluku Vera Habalainen, Arvo Survo, Toivo Flink, Aleksei Krjukov. Kuvat Vladimir Zernov. Taitto Kustannustalo Inkeri oy. Puh./faksi +7 812 234 86 54. Postiosoite: Venäjä 198215, Pietari, 4a-22-303, Professora Popova. Painettu kirjapainossa Inkeri kustannustalo oy, Pietari, Karpovka 5, rak. 22, h.401. Painosmäärä 700.

Газета зарегистрирована Северо-западным окружным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свид. ПИ № 2-6048 от 9 июля 2002 года. Учредители: А. И. Кирьянен, В. И. Койванен, А. Ю. Пюккенен, А. А. Сыров. Главный редактор А. И. Кирьянен; заместители главного редактора А. Ю. Пюккенен, А. В. Крюков. Отпечатано ООО "Издательский дом "Инкери". Телефон/факс: (812) 234-86-54. Web: www.inkeriprint.ru. Адрес: 197376, СПб, ул. Проф. Попова, 4а, корп. 22, офис 303. Тираж: 700 экз. Заказ № 87. Цена договорная. Подписано в печать 11.07.2015 г., по графику - в 10.30, фактически - в 16.30.